

Леонид Петрович Крысин
Слово в современных текстах и словарях

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=274502

*Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии.: Знак;
Москва; 2008
ISBN 978-5-9551-0175-0*

Аннотация

Книга посвящена процессам, происходящим в русском языке на рубеже XX—XXI веков. Она представляет собой собрание очерков, объединенных по тематическому принципу.

Первая часть книги – это очерки об иноязычных заимствованиях, их свойствах, их взаимоотношениях с исконной русской (или ранее заимствованной) лексикой, их «поведении» в языке, о способах и формах описания иноязычных слов и специальных терминов в современных толковых словарях.

Вторая часть содержит статьи, посвященные литературной норме – ее природе, соотношению ее, с одной стороны, с системными возможностями языка, а с другой – с узусом, речевой практикой. Идет речь здесь и о типичных отклонениях от нормы и своего рода «точках роста» среди таких отклонений, то есть явлениях, в которых просматриваются не просто ошибки, а зарождение определенных тенденций развития на том или ином участке литературного языка.

В третьей части помещены краткие заметки о словах – об истории их появления в нашем языке, особенностях их формы и значения, сферах употребления, нормативном статусе.

Книга предназначена для филологов-русистов, для студентов и аспирантов филологических факультетов университетов, а также для всех, кого интересует современное состояние нашего языка.

Содержание

От автора	4
«Свое» и «чужое» в современной русской лексике	5
Читаю газеты	5
«Свое» и «чужое»: о некоторых иноязычно-русских лексических параллелях[3]	9
Иноязычное слово как транслятор иной культуры[10]	18
Иноязычное слово в роли эвфемизма[14]	23
Оценочный компонент семантики иноязычного слова[20]	26
1. Предварительные замечания	26
2.	27
3. Выводы	30
Словообразовательная активность иноязычного слова как один из критериев его освоения языком[23]	31
Иноязычный термин в русском просторечии[27]	34
Словари как компонент национальной культуры[29]	39
Проблемы представления новых иноязычных заимствований в нормативных словарях[31]	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Леонид Петрович Крысин

Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии

От автора

Процессы, происходящие в современном русском языке, многообразны. Это и заимствование иноязычных слов (иногда – неумеренное), и вторжение разговорной стихии в публичные формы речи, и вовлечение в литературное словоупотребление – как устное, так и письменное – лексики из социальных и профессиональных жаргонов. Эти явления требуют, во-первых, лингвистического анализа и, во-вторых, нормативной оценки. Кроме того, не очень прост вопрос о том, как должны отражаться новые явления в словарях, особенно тех, которые имеют статус нормативных.

Некоторые из этих проблем рассматриваются в предлагаемой книге. Она представляет собой собрание очерков, объединенных по тематическому принципу.

Первая часть книги – это очерки об иноязычных заимствованиях, их свойствах, их взаимоотношениях с исконной русской (или ранее заимствованной) лексикой, их «поведении» в языке, о способах и формах описания иноязычных слов и специальных терминов в современных толковых словарях.

Вторая часть книги содержит статьи, посвященные литературной норме – ее природе, соотношению ее, с одной стороны, с системными возможностями языка, а с другой – с узусом, речевой практикой. Идет речь здесь и о типичных отклонениях от нормы и своего рода «точках роста» среди таких отклонений, то есть явлениях, в которых просматриваются не просто ошибки, а зарождение определенных тенденций развития на том или ином участке литературного языка. Весьма показательна в этом отношении языковая игра, при которой происходит сознательное нарушение нормы и мобилизация всех средств, имеющихся в языковой системе, в том числе и «не одобряемых» нормативными регламентациями (некоторые виды языковой игры рассматриваются в очерке, завершающем этот раздел).

В третьей части книги помещены краткие заметки о словах – об истории их появления в нашем языке, особенностях их формы и значения, сферах употребления, нормативном статусе.

«Свое» и «чужое» в современной русской лексике

Читаю газеты

Читаю газеты:

*Участники **саммита** пришли к **консенсусу**..;*

*В **бутиках** – большой выбор одежды **прет-а-порте**...*

То и дело мелькают: **имидж** политика, большой **бизнес**, **киллеры**, **путаны**, **наркору-
рьеры**...

Слушаю радио:

*– Вот что рассказал нашему корреспонденту автор нового **римейка**;*

*– В США прошли **праймериз**, показавшие значительный **дисбаланс** в **рейтинге** кан-
дидатов...*

Диктор телевидения сообщает:

*– Первые **транши** были переведены в **офшорные** зоны;*

*– **Пресс-секретарь премьер-министра информировал** собравшихся о **перспективах**
в сфере **инвестиционной** политики государства;*

*– **Дилеры прогнозируют** дальнейшее падение котировок этих **акций**...*

Что за напасть? Почему такое обилие иноязычных слов в наших средствах массовой информации – на страницах газет, в радио– и телеэфире? В последние два десятилетия поток иноязычных, главным образом английских, заимствований усилился, и один из известных русистов назвал его даже не потоком, а потоком [Костомаров 1993]. Общественность не на шутку обеспокоена обилием американизмов в нашей речи, и кое-кто считает, что это угрожает самобытности русского языка.

Попробуем разобраться в том, насколько «законны» многие новейшие заимствования, нельзя ли найти им соответствующие русские замены. Да и сам процесс иноязычного влияния на наш язык – насколько он естественен и необходим, не перешел ли он в последние годы разумных границ? Или, может быть, сетования на засорение нашего словаря «чужаками» преувеличены?

Для развития почти каждого языка процесс заимствования слов из других языков вполне естественен и обычен. Тем не менее, и к самому этому процессу, и в особенности к его результатам – иноязычным словам – носители языка часто относятся с изрядной долей подозрительности: зачем что-то брать у других – разве нельзя обойтись средствами родного языка?

Иноязычное слово нередко ассоциируется с чем-то идеологически или духовно чуждым, даже враждебным, как это было, например, в середине прошлого века, когда в пылу борьбы с «низкопоклонством перед Западом» велено было писать и говорить вместо *бульдозер* – *тракторный отвал*, вместо *грейдер* – *струг*, игру футбольных команд стали называть не *матчем*, а *встречей*, радиопередачи об этих встречах надо было называть не *репортажами*, а *рассказами*, и т. д. Илья Эренбург в своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» отметил, что даже сыр *камамбер* был в это время переименован в сыр *закусочный* (подробнее об этом см. [Крысин 1968: 138-141]).

Бывают в истории общества и другие времена, когда преобладает более терпимое отношение к внешним влияниям и, в частности, к заимствованию новых иноязычных слов. Таким временем можно считать конец XX – начало нынешнего столетия, когда возникли известные политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположен-

ность российского общества к принятию новой и к широкому употреблению ранее существовавшей, но специальной иноязычной лексики.

У всех на слуху разнообразные экономические и финансовые термины типа *бартер*, *брокер*, *ваучер*, *дилер*, *дистрибьютор*, *инвестиция*, *маркетинг*, *монетаризм*, *фьючерсные кредиты!* и т. п. Многие из них заимствованы давно, но были в ходу преимущественно среди специалистов. Однако по мере того, как явления, обозначаемые этими терминами, становились остро актуальными для всего общества, узкоспециальная терминология выходила за пределы профессиональной среды и начинала употребляться в прессе, в радио- и телепередачах, в публичной речи политиков и бизнесменов.

Многочисленны термины, относящиеся к компьютерной технике – само слово *компьютер*, а также *дисплей*, *файл*, *интерфейс*, *принтер* и мн. др., – иноязычные названия видов спорта (новых или по-новому именуемых): *виндсёрфинг*, *скейтборд*, *армрестлинг*, *кикбоксинг*, *фристайл* и др. Англицизмы пробивают бреши и в старых системах наименований: так, добавочное время при игре в футбол или в хоккей всё чаще именуется *овертайм*, игра «на вылет», на выбывание из соревнований одной из двух команд – *плей-офф*, и даже традиционное *боец* в кикбоксинге заменяется англицизмом *файтер*.

И в менее специализированных областях человеческой деятельности происходит активное заимствование новой и расширение сферы употребления ранее заимствованной иноязычной лексики. Достаточно напомнить такие широко используемые сейчас слова, как *имидж*, *презентация*, *номинация*, *спонсор*, *видео*, *шоу* (и их производные: *видеоклип*, *видеотехника*, *видеокассета*, *видеосалон*; *шоу-бизнес*, *ток-шоу*, *шоумен*), *триллер*, *хит*, *дискотека*, *диск-жокей* и множество других.

Так что же – надо оправдать употребление всех этих заимствований, признать их вполне «законными»? При ответе на этот вопрос необходим учет ряда обстоятельств, имеющих лингвистическую и социальную природу.

Семантическое и функциональное разграничение иноязычного и исконного слов, синонимичных или близких по смыслу, – одна из причин укоренения заимствования в языке.

В самом деле, не протестуем же мы против употребления слов *паника*, *комфорт*, *рентабельный*, а ведь они некогда были синонимами слов *страх*, *уют*, *доходный*. По мере укрепления этих иноязычных слов в русском языке у них сформировались дополнительные – по сравнению с их русскими лексическими параллелями – смысловые компоненты: *паника* – это не просто страх, а «крайний, неуправляемый страх, сразу охватывающий человека или многих людей», *комфорт* – «условия жизни, пребывания, обстановка, обеспечивающие удобство, спокойствие и уют», *рентабельный* – «оправдывающий расходы, не убыточный, доходный»¹.

Сходное размежевание «чужого» и «своего» происходит и при освоении новых заимствований. *Имидж* в буквальном переводе с английского означает 'образ', но в современном русском языке это слово имеет более сложный смысл: «представление (часто целенаправленно создаваемое) о чем-нибудь внутреннем и внешнем облике, образе (*имидж политика*; *имидж телевизионного ведущего*)» [Крысин 1998: 266]; слово *рейтинг* (англ. *rating* от глагола *to rate* 'оценивать; определять класс, категорию') первоначально было спортивным термином и обозначало положение спортсмена среди ему подобных, оцениваемое определенным числом баллов, а затем стало употребляться переносно – в значении «степень популярности кого-либо (напр., политика, общественного деятеля), устанавливаемая путем социологического опроса экспертов, голосования ит.п. и определяемая тем местом, которое занимает данное лицо среди ему подобных» [Там же: 597]; *шоу* (англ. *show* 'представление,

¹ Определения даны по «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (М., 1997); далее – СОШ 1997.

зрелище; спектакль') – в одном из значений это «яркое эстрадное представление», а в другом, переносном – «нечто показное, рассчитанное на шумный внешний эффект» [Там же: 800]; см. также с. 5859 наст. изд.

Другая причина укоренения иноязычного заимствования заключается в том, что «чужое» наименование нередко оказывается короче собственного, русского – как правило, описательного, состоящего из нескольких слов. Так в русском языке укрепились заимствования *снайпер* – вместо *меткий стрелок*, *сейф* – вместо *несгораемый шкаф*, *спринтер* – вместо *бегун на короткие дистанции*, в том числе и некоторые совсем недавние: *саммит* (англ. *summit* буквально 'вершина, верх') – вместо (и наряду с) *встреча в верхах*, *ремейк* (англ. *retake* 'переделка') – вместо *новая версия ранее снятого фильма*, *киллер* – вместо *профессиональный убийца* и др.

Как видим, иноязычное слово редко дублирует значение русского – в подавляющем большинстве случаев между ними имеется смысловое различие, на которое накладывается еще и различие функционально-стилистическое: иноязычный элемент часто является термином, а его русская параллель – обычным, общеупотребительным словом. Сравните такие пары, как *бартер* – *обмен*, *дискриминация* – *ограничение (в правах)*, *инвестиция* – *вложение (капитала)*, *консенсус* – *согласие*, *монетарный* – *денежный*, *рента* – *доход*, *ремиссия* – *ослабление (болезни)*, *стагнация* – *застой (в экономике)*, *трансформация* – *преобразование*, *транш* – *доля, часть (платежа)* и т. п.

Как же относиться к невиданной прежде активизации употребления иноязычных слов? Лингвисты уже неоднократно обращали внимание на то, что язык представляет собой саморазвивающийся механизм, действие которого регулируется определенными закономерностями. В частности, язык умеет самоочищаться, избавляться от функционально излишнего, ненужного.

Это происходит и с иноязычными словами. Во всяком случае, история русского языка свидетельствует именно о таком его свойстве. В словаре-справочнике «Редкие слова в произведениях авторов XIX века» (СПб., 1997) можно найти такие иноязычные слова: *модерантизм* (умеренность в политике), *нивеллятор* (тот, кто нивелирует, уравнивает что-либо), *нотиция* (официальное сообщение, уведомление), *официалист* (чиновник), *экскузация* (отговорка), *элеферия* (свобода) и другие, которые употреблялись в русском языке XIX века. Сейчас этих слов нет, они исчезли из употребления, хотя в свое время по поводу уместности некоторых из них, необходимости их для русского языка шли жаркие споры.

Подобная судьба ждет и некоторые из нынешних модных американизмов, заимствование которых не оправдано ни семантически, ни функционально. В качестве примера можно привести англоязычные междометия типа *вау*, *упс* или *опс*, которые распространились в последнее время, преимущественно в речи молодежи. Дело в том, что разного рода «коммуникативная мелочь» – союзы, частицы, предикативные наречия и в особенности междометия – составляют наиболее специфичную и консервативную часть каждого национального языка и с трудом пропускает в свой круг «чужаков»². Так что все эти *вау* и *упс* едва ли займут место наших исконных *ах!* *ой!* *Вот это да!* *Ну и ну!* и других.

Иногда рекомендуют (чуть ли не в приказном порядке) заменять иноязычные слова русскими. Это предложение содержится, например, в одном из пунктов «Закона о русском языке как государственном языке Российской Федерации», разработанного Государственной

² Одни из немногих исключений – заимствованные русским языком междометия *марш!* (первоначально только в языке военных), *алло*, которое представляет собой фонетическое видоизменение английского *hallo(d)*. В их заимствовании была определенная коммуникативная необходимость, поскольку первое пришло к нам вместе с другими военными терминами, а второе – вместе с самым новым видом связи – телефоном. По-видимому, сходные причины объясняют заимствование «театральных» междометий *бис* и *браво*: они вошли в русский язык в составе театральной лексики и терминологии, в большинстве своем иноязычной по происхождению.

думой. Искать русские соответствия заимствований, конечно, необходимо, особенно в сферах публичного использования русского языка – в газете, на радио и телевидении, в выступлениях государственных и общественных деятелей: подчас исконное слово лучше передает нужный смысл, чем иностранное. Очевидно, например, что слово *эксклюзивный* дублирует смысл русского прилагательного *исключительный*. Стало быть, надо вывести его из употребления как сорняк? Но не всё так прямолинейно происходит в нашем языке. Например, нередко осмеивавшееся в прошлом слово *водомёт* – прекрасный синоним заимствованного *фонтан*. А чем весьма выразительное и прозрачное по своей структуре слово *окоём* хуже греческого по своим корням термина *горизонт*? Однако судьбе и русскому языку угодно было сохранить иноязычные слова, а не исконные. Тем не менее, поиски русских соответствий иноязычным словам – насущная задача. Не надо только превращать эти поиски в обязательное правило. Иначе мы рискуем вернуться к временам А. С. Шишкова и В. И. Даля, предлагавших *бильярд* называть *шаротыком*, а *тротуар* – *топталищем*.

«Свое» и «чужое»: о некоторых иноязычно- русских лексических параллелях³

– У вас есть инициатива.

– Без ученых слов, голубчик!

– Нет, позвольте его повторить...

Инициатива. По-русски почин, если вам угодно.

П. Д. Боборыкин. Китай-город

Сологдин повел головою, усмехнулся, скорее неодобрительно.

– Ты ведешь себя не как исчислитель, а как пиит.

Нержин не удивился: и «математик», и «поэт» были заменены по известному чудачеству Сологдина говорить на так называемом Языке Предельной Ясности, не употребляя птичьих, то есть иностранных слов.

А. И. Солженицын. В круге первом

«Судьба словарных заимствований, – писал академик В. В. Виноградов, – относящихся к области общественной жизни или внутренних состояний личности, бывает очень различна. Некоторым из этих заимствований, особенно если они представляются семантически или морфологически неоправданными, приходится выдерживать яростное противодействие со стороны пуристов. Мотивами этой борьбы чаще всего являются или соображения национально-семантического порядка, или ссылки на «строевую» неправильность слова, его ненужность и непозволительность» [Виноградов 1999: 210].

Главный вопрос, которым задается человек, слыша или встречая в тексте незнакомое слово: «Что это значит?». А если к тому же это слово иностранное, то возникает и второй вопрос: «Нельзя ли то же самое сказать по-русски?».

Такие вопросы у носителей русского языка особенно часто возникают в последнее время, когда в нашей речи появляются всё новые и новые слова, заимствованные из других языков, преимущественно из английского (точнее – из его американского варианта). Так, в конце 80-х годов прошлого столетия в наш повседневный язык вошло множество экономических и финансовых терминов, и почти все они – иноязычные по происхождению: *бартер, брокер, ваучер, дилер, инвестор, инвестиции, консалтинг, приватизация, тендер, фьючерсный* и т. п., позднее к ним добавились *дефолт, профицит* и нек. др. Правда, специалистам в области экономики, финансов, банковского дела некоторые из этих терминов были знакомы и раньше. Однако обстановка в стране в это время была такова, что вопросы экономики, товарного производства и товарного обмена, денежного оборота сделались актуальными не только для профессионалов, но и для обычных людей. Некоторые увидели нечто притягательное в безденежном товарном обмене (то есть *бартере*), другие начали прибегать к услугам посредников на биржах (*брокеров, дилеров*), третьи не знали, что делать с *ваучерами*, а потом возмущались результатами *приватизации*, все вместе страдали от обрушившегося на страну *дефолта* (то есть отказа государства от принятых на себя финансовых обязательств), и даже *профицит* государственного бюджета (то есть превышение доходов над расходами), о котором начали громко заявлять финансовые деятели, мало кого из простых людей радовал. Иными словами, специальные экономические и финансовые термины вошли в общелитературный язык, замелькали на страницах печати, зазвучали по радио и телевидению.

³ Вариант статьи, опубликованной в сб.: Лингвистическая полифония: Сб. в честь юбилея проф. Р. К. Потаповой. М., 2007. С. 638-651.

Очевидны причины, по которым все эти экономические и финансовые термины заимствованы русским языком: явления, которые они называют, – результат влияния на нашу экономику распространенных на капиталистическом Западе методов и механизмов экономического и финансового управления. Со второй половины 80-х годов Россия всё больше делается открытой западным влияниям в самых разнообразных областях – политике, торговле, культуре и искусстве, кино, музыке, спорте и, конечно же, в экономике. Вместе с новыми понятиями к нам пришли и новые слова и термины. Можно ли без них обойтись? Можно ли заменить их русскими соответствиями и называть, скажем, *бартер* – обменом, *брокера* – посредником, *инвестора* – вкладчиком?

Попробуем повнимательнее присмотреться к каждому из упомянутых иноязычных слов и обсудить, насколько возможна замена его близким по смыслу русским существительным.

Бартер

Это слово заимствовано из английского языка, где существительное *barter* означает 'мена, меновая торговля; товарообменная сделка; товар для обмена'. Оно вошло в русский язык в качестве специального экономического термина и первоначально регистрировалось преимущественно терминологическими словарями и словарями иностранных слов.

Например, в «Современном словаре иностранных слов», который вышел в 1992 году, основной единицей толкования является словосочетание *бартерная сделка*, после которого, правда, помещено и слово *бартер*, но сам такой порядок толкуемых единиц свидетельствует о том, что слово *бартер* было еще не вполне освоено русским языком. Толкование этому термину дано довольно пространное: «товарообменная сделка с передачей права собственности на товар без денежного платежа (натуральный обмен)». В словаре [Крысин 2005] определение более лапидарное: «*бартер* – товарный обмен (без участия денег)». Во второй половине 90-х годов XX в. этот термин с ограничительной стилистической пометой «спец.» попадает и в общие словари. Например, в [СОШ 1997] читаем: «**БА́РТЕР** [тэ], – а, м. (*спец.*). Товарообменная сделка, натуральный обмен. Получить товар по бартеру. || *прил. ба́ртерный*, – ая, – ое. Бартерная сделка».

Словарь [Скляревская 1998] характеризует *бартер* как «относительно новое слово», но при этом описание его содержит многочисленные примеры из прессы, иллюстрирующие употребление слова не только в прямом, «экономическом» значении, но и в переносном, имеющем шуточный оттенок 'сделка; обмен вещами между людьми по взаимному соглашению' (*Предлагаю бартер: за книгу по искусству книгу по кулинарии*).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни в одном из цитируемых словарей слово *бартер* не истолковано с помощью какого-нибудь оного русского синонима (например, *обмен* или *сделка*): для точной передачи смысла этого термина требуются уточняющие слова: *товарный*, *товарообменный*, *натуральный*. Это значит, что смысл термина *бартер* отличается от значения слов *обмен* и *сделка*: очевидно, что обмен может и не предполагать наличие товаров (ср. *обмен мнениями*), а заключение сделки не всегда связано с товарными отношениями (ср. *биржевая сделка*, а также фразеологизм *сделка с совестью*). Стало быть, если и вести речь о замене иноязычного слова *бартер* своими, русскими словами, то в качестве эквивалента должно быть выбрано не одно слово, а словосочетание (*товарный обмен*, *товарообменная сделка* и т. п.). В языке же, как известно, действует тенденция к замене однословных наименований (то есть наименований, состоящих из более чем одного слова) однословными: *меткий стрелок* = *снайпер*, бегун на длинные дистанции => *стайер*, *несгораемый шкаф* = *сейф* и т. п. Употребление слова *бартер* вместо словосочетаний *товарный обмен без участия денег*, *товарообменная сделка* вполне соответствует указанной тенденции, и, следовательно, у этого слова есть все шансы сохраниться в нашем языке.

Брокер

Так же, как и слово *бартер*, это слово заимствовано из английского языка, где существительное *broker* значит 'посредник; торговец подержанными вещами'. И это существительное, и образованный путем конверсии глагол *to broker* – букв. 'посредничать, быть посредником' – происходят от формы прошедшего времени глагола *to break* в ныне устаревшем его значении 'быть посредником'. Отметим, что в русском языке есть целый ряд слов, обозначающих разные виды посредничества в товарных, торговых, имущественных, финансовых и иных сделках: сравнительно недавно появившиеся *джоббер*, *дилер*, *дистрибьютор*, *риелтор* и более давние по времени заимствования *комиссионер*, *прокурисст*, *маклер* (а также восходящее к этому слову русифицированное и ныне устаревшее *маклак*; о различиях в их значениях см. в словаре [Крысин 2005], где поиск слов, образующих ту или иную тематическую группу, облегчается наличием в словарных статьях зоны аналогов – слов с близкими данному, но не синонимичными значениями).

Вот как определяется слово *брокер* в словарях иностранных слов и в толковых словарях: «посредник при заключении сделок на биржах; действует по поручению и за счет клиентов, получая от них за посредничество плату в размере определенного процента от суммы сделки» [ССИС 1992]; «посредник при заключении сделок на бирже, специализирующийся по определенным видам товаров или услуг» [Крысин 2005]; «агент, посредничающий при купле-продаже ценных бумаг, товаров» [СОШ 1997]⁴.

Обратим внимание: в первых двух толкованиях используется слово *посредник*, в последнем – слово *агент*, но и то и другое сопровождаются определениями, которые указывают, какой это посредник или агент, каков характер его деятельности: он работает на бирже и получает за свое посредничество плату. Иначе говоря, оказывается, что просто перевести слово *брокер* русским *посредник* или ранее заимствованным *агент* нельзя, недостаточно: в этом случае останется неясным вопрос о том, в чем именно посредничает такой человек и какова его деятельность как агента (сравните такие случаи употребления слов *посредник* и *агент*, в которых оно не может быть заменено словом *брокер*: *посредник на переговорах*, *агент службы безопасности* и т. п.). Стало быть, *брокер* – слово с вполне сформировавшимся, самостоятельным значением. Оно используется в качестве финансового термина не только специалистами⁵, но и в средствах массовой информации, в бытовой речи. Как однословное обозначение соответствующей профессии и лица, исполняющего эту профессию, оно удобнее в употреблении, чем сочетания слов, обозначающие то же самое, но более длинно, громоздко.

Дефицит и профицит

Дефицит – слово, заимствованное русским языком (из немецкого) довольно давно, в первой половине XIX века. Оно имеет два значения, общеупотребительное и специальное: 'нехватка чего-либо' и 'превышение расходов над доходами'. В первом из этих значений слово знакомо нам, особенно старшему поколению, к сожалению, очень хорошо: при советской власти постоянно был дефицит – то продуктов, то товаров первой необходимости... А во втором значении *дефицит* – экономический термин. И в паре с ним экономисты употребляют термин с противоположным значением – *профицит*. Он обозначает превышение доходов над расходами. Неспециалистам второй термин стал известен сравнительно недавно – в связи с тем, что многие проблемы экономики стали обсуждаться не только профессионалами, но и, например, депутатами Госдумы – при принятии очередного годового бюджета. А

⁴ В [СИС 1933], где этот термин зафиксирован, по-видимому, впервые, он имеет статус «чужака», экзотизма, поскольку снабжен следующим определением: «посредник на английском (выделено мной. – Л. К.) товарном рынке, гл. обр. по продаже импортных товаров, обычно одновременно кредитующий иностранного поставщика».

⁵ Заметим, что в среде специалистов – бизнесменов, экономистов, финансовых работников и др. – этот и некоторые другие финансово-экономические термины имеют сейчас более разветвленную систему значений, не всегда фиксируемую не только общими словарями, но и специальной справочной литературой; см. об этом в работе [Труфанова 2006].

из их речей термин попал в средства массовой информации. Прав на существование в нашем языке у слова *профицит* столько же, сколько их у слова *дефицит*. Вместо того, чтобы выражаться описательно, длинно: *превышение расходов над доходами, превышение доходов над расходами* – употребляют однословные и соотносительные по значению термины *дефицит* и *профицит*. Разумеется, использование этих терминов уместно прежде всего в специальных текстах, во вторую очередь – в прессе, когда обсуждаются экономические проблемы. А в обыденной речи мы можем обойтись и без этих специальных терминов.

Инвестор, инвестиции, инвестировать

Слово *инвестор* пришло в русский язык не в одиночку, а вместе с однокоренными *инвестировать, инвестиции*. В качестве источника этих слов словари указывают немецкий язык, где они были образованы от латинского глагола *investire* 'облачать, одевать'. *Инвестициями* называют долгосрочные вложения капитала в какое-либо предприятие, дело, а также сам такой капитал. Современные газеты пишут о сокращении иностранных *инвестиций* в российскую промышленность, о том, что кое-что в нашей стране не устраивает западных инвесторов, и поэтому они не хотят *инвестировать* свои денежные средства в те или иные российские предприятия так же активно, как они делали это раньше, когда *инвестиционный* климат был для них более благоприятен. Широкое употребление всех этих слов объясняется внеязыковыми причинами: раньше, два-три десятилетия тому назад само понятие иностранных инвестиций не было актуальным (да при советской власти оно было попросту невозможным). С началом же перестройки и в последующие годы российские власти, напротив, стали привлекать западных предпринимателей, предлагая им вкладывать свой капитал в русский бизнес на выгодных для вкладчиков условиях.

Надо сказать, что некоторые из перечисленных слов с корнем *инвест* – не такие уж новые для русского языка. [Современный словарь... 2000] указывает, что глагол *инвестировать* и однокоренные с ним слова *инвестор, инвестиция* были заимствованы русским языком еще в начале XX в. Слова *инвестировать* и *инвестиция* зафиксированы в первом томе «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1935 г.). Но при этих словах стоит помета «экон.»⁶. Эта помета сопровождает указанные слова и в более поздних словарях – например, в четырехтомном академическом [МАС]. И только в конце XX в. термины с корнем *инвест* покидают узкие рамки профессионального словоупотребления экономистов и начинают употребляться в общелитературном языке.

К собственно заимствованным словам *инвестиция* (от нем. *Investition*), *инвестировать* (от нем. *investieren*), *инвестор* (от нем. *Investor*) добавляются и их производные: *инвестиционный, инвестирование, инвесторский*; появляются устойчивые наименования и употребительные словосочетания с участием этих слов (*инвестиционный банк, инвестиционный фонд, клуб частных инвесторов, политика инвестирования* и др.). Всё это свидетельствует об освоении слов с корнем *инвест*-современным русским языком, главным образом книжной его разновидностью, и о широкой употребительности их в официально-деловом и публицистическом стилях литературной речи. Так же, как в случаях со словами *бартер* и *брокер*, невозможна простая замена этих слов русским словосочетанием *вложение капитала*, поскольку, во-первых, это – дву-словное наименование (а ему обычно предпочитается наименование однословное), и, во-вторых, в значении словосочетания *вложение капитала* нет указания на то, какого рода вложения имеются в виду (ср. такие компоненты приведенных выше толкований слов с корнем *инвест*-, как 'долгосрочный', 'в предприятие, в эко-

⁶ Несколько раньше слова *инвестирование, инвестиция* были зафиксированы в [СИС 1933], и при этом без указания на сферу употребления этих терминов. Однако в этом словаре и другие экономические термины не снабжены соответствующей пометой.

номику'). Значит, и эти слова, пришедшие в общее употребление из словаря экономистов, имеют все шансы укрепиться в нашем языке.

Немаловажен и такой фактор, влияющий на судьбу рассмотренных слов: и *бартер*, и *брокер*, и слова с корнем *инвест* – по существу интернациональны, они известны и понятны говорящим на многих современных языках. А принадлежность того или иного слова к общему, международному лексическому фонду часто облегчает ему укоренение и в каждом конкретном национальном языке (в данном случае – в русском).

Тенденция к замене неоднословных наименований однословными и фактор интернациональности играют существенную роль при освоении языком и других слов и терминов, принадлежащих к иным тематическим группам. Это касается и таких иноязычных лексем, которые на первый взгляд кажутся явно дублирующими значения единиц, уже существующих в языке. Одно из таких слов – *бренд*, весьма употребительное в современных средствах массовой информации и в рекламе.

Бренд

Слово заимствовано из английского языка, где *brand* имеет значение 'клеймо; фабричная марка'. Примерно то же значение и у заимствования: *бренд* – это торговая марка предприятия, играющая роль рекламы этого предприятия. Нынешние деловые люди говорят *ораскрученных брендах* (тут иноязычное – в смеси с жаргонным: *раскрутить бренд* на языке наших бизнесменов означает продвинуть какое-либо предприятие и его товар на рынок и сделать популярной саму марку этого предприятия⁷). Произносится это слово с твердым согласным «р»: [брэнд].

Возникает вопрос: а зачем нам это новое заимствование, когда есть старые – и свои, и иноязычные слова с близкими значениями: (*товарный*) *знак*, *клеймо*, *марка* (нем. *Marke*), *ярлык* (пришедшее из тюркских языков: ср. турецкое *jarlyk* 'султанский указ, грамота'), *этикетка* (от фр. *étiquette*)? А еще есть недавно заимствованное *лейбл* (от англ. *label*) – 'торговый знак фирмы-изготовителя в виде яркой наклейки (например, на одежде)'. Почему язык допускает такую множественность обозначений практически одного и того же предмета?

Если мы внимательно присмотримся к перечисленным словам, то обнаружим, что они не вполне дублетны, то есть не полностью совпадают по смыслу и по сферам употребления. Клеймо, например, ставят не только на товар, но и на тело животных (а в давние времена и рабов клеймили); это слово употребляется также переносно в значении 'неизгладимый след чего-либо постыдного, позорящего' (напр., *клеймо позора*, *клеймо предателя*). Другие слова из перечисленного выше ряда таким значением не обладают. У слова *ярлык*, правда, помимо прямого смысла ('листок на каком-л. изделии, товаре с наименованием этого изделия, товара или сведениями о нем', как определяется это значение слова *ярлык* в [СОШ 1997]), – есть и переносный, но иной, чем у слова *клеймо*, смысл: 'шаблонная, обычно отрицательная краткая характеристика кого или чего-либо, чаще всего несправедливая'. Слово *знак* имеет слишком общее значение, и поэтому применительно к товарам, изделиям оно снабжается определением *товарный*.

Марка – это не только сам товарный знак, но и сорт изделия (напр., *новая марка стали*) – такого значения нет у других анализируемых слов. Слово *бренд* называет рекламный товарный знак: об этом свидетельствует компонент толкования '...играющая роль рекламы этого предприятия' (см. выше). Этого смыслового компонента нет у других слов. *Лейбл* – это

⁷ Тексты современных газет и журналов свидетельствуют о широкой употребительности этого термина и об активном образовании словосочетаний на его основе. Так, в Национальном корпусе русского языка (адрес в Интернете: ruscorpora.ru) зафиксированы контексты, в которых встречается не только само слово *бренд*, но и такие словосочетания, как *бренд года*, *бренд-менеджмент*, *бренд-билдинг*, *бренд-дизайн*, *бренд-консалтинг*, *бренд-лидерство*; *бренд* создают, выстраивают, продвигают на рынок, раскручивают, он может быть мировым, национальным, местным, именным, готовым, ходовым, сильным, честным, эксклюзивным и т. п.

яркая наклейка, преимущественно на одежде, не содержащая ничего, кроме названия самой фирмы, выпускающей эту одежду, а *этикетка*, помимо указания на выпускающее данный товар предприятие, может содержать еще и какие-либо сведения – например, о сроке годности, о цене, о способах использования продукта и т. п.

– Так это то же самое, что *ярлык!* – вправе воскликнуть внимательный читатель. И будет почти прав. Почти – потому что слова *этикетка* и *ярлык*, при явной близости их значений, всё же различаются – сферами использования, сочетаемостью с другими словами: ярлыками снабжаются не только товары, но и, например, вещи, сданные в багаж, поэтому мы можем сказать *багажный ярлык* (но не **багажная этикетка*); ярлыки не только *приклеиваются*, но и *навешиваются* – отсюда и отмеченное выше переносное употребление этого слова (сказать же: *Давай навесим этикетку* едва ли можно – большинство говорящих по-русски предпочтет здесь глаголы *приклеим* или *прикрепим*).

Из всего сказанного следует вывод: каждое из слов перечисленного нами ряда имеет некоторое своеобразие в своем значении и этим отличается от других слов; поэтому язык и не освобождается от наименований, которые только на первый взгляд кажутся полностью синонимичными. Возможно, в дальнейшем и произойдет вытеснение какого-либо из этих наименований. Но пока все рассмотренные нами слова имеют право на существование и употребление в нашей речи.

Клипмейкер

Это новомодное, английское по происхождению слово состоит из двух частей: *клип*– и *-мейкер*. *Клип*, или *видеолип* (еще один иностранец!), как свидетельствуют словари иностранных слов, – это «короткий телевизионный сюжет, состоящий из эстрадной песни, сопровождаемой специально смонтированным изображением, часто с применением компьютерной техники; используется также как средство рекламы» [Крысин 2005: 164].

В английском языке существительное *clip* значит 'газетная вырезка; фрагмент фильма' и происходит от глагола *to clip* 'отсекать, отрезать'. А вторая часть слова *клипмейкер* – от английского глагола *to make* 'делать, создавать'. Стало быть, *клипмейкер* – это человек, который делает клипы, создатель клипов. Этот род деятельности появился у нас сравнительно недавно и, несомненно, под влиянием Запада, о чем свидетельствует и само заимствованное слово. По-русски этот род занятий и того, кто к нему причастен, обозначить трудно. Правда, в русском языке есть слова со второй частью *-дел*, образованной от глагола *делать*, которые обозначают лиц по профессии. В «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка [Зализняк 2003] таких слов шесть: *винодел*, *ковродел*, *маслодел*, *сукнодел*, *стеклодел*, *сыродел* (плюс *бракодел*, которое содержит в своем значении отрицательную оценку). Почему бы не образовать по этой модели слово *клиподел*?

Не получится. И вот почему.

Во-первых, слово пришло к нам вместе с самой профессией, а в случаях, когда слово заимствуется вместе с новой вещью или новым понятием, вероятность укоренения его в языке весьма высока (подробнее об этом см. [Крысин 1968: 22 и сл.]). Во-вторых, слова со второй частью *-дел*, как легко видеть, образованы от русских именных основ (*вин-о*, *ко-в(ё)р*, *масл-о*, *сукн-о*, *стекл-о*, *сыр*) – в слове **клиподел* она была бы иноязычной. В-третьих, приведенные слова обозначают старые и исконные для России профессии. В-четвертых, в языке редко сохраняются слова, образованные намеренно, в противовес каким-то иным, неприемлемым по тем или иным причинам (вспомним знаменитые *топталище* вместо *тротуар*, *ячество* вместо *эгоизм*, не прижившиеся в нашем языке, несмотря на прозрачность их словообразовательной структуры). Так что придется смириться с еще одним иноязычным неологизмом – словом *клипмейкер*, которое обозначает специалиста по производству видеоклипов.

Добавим к этим аргументам еще один. Вторая часть слова *клипмейкер* (*-мейкер*) встречается и в некоторых других недавних заимствованиях из английского⁸, правда, ограниченных в своем употреблении определенной профессиональной средой: *имиджмейкер* (буквально: «создатель имиджа, образа», то есть специалист по созданию имиджа кого-либо – политика, артиста и др.), *нюсмейкер* (буквально: «создатель новостей»; в русском языке значение этого слова еще не вполне устоялось: это либо 'тот, кто в определенный момент становится объектом внимания журналистов как представляющий интерес для читателей и зрителей' [Крысин 2005: 532], либо 'журналист, работающий в области создания новостных программ', либо и то и другое [НСИС 2003: 437]. В последнее время появился спортивный термин *плеймейкер* (буквально: «делатель игры», то есть тот, кто своими умелыми, мастерскими действиями – например, при игре в футбол, баскетбол и др. – инициирует определенные тактические ходы и комбинации, приносящие успех команде); ср. следующие примеры:

Второго Зидана нет и быть не может, но второй плей-мейкер международного класса у сборной, претендующей на чемпионство, должен быть (Д. Навоша. Франция в опасности. Чемпион мира проигрывает Сенегалу в матче открытия // «Известия», 31.05.2002)

Основной плеймейкер аргентинцев Санчес вместе с серебряными медалями выиграл себе контракт в НБА (Д. Навоша. Семь цветов баскетбольного времени. Самые яркие краски чемпионата мира // «Известия», 09.09.2002); примеры из Национального корпуса русского языка⁹.

На наших глазах *-мейкер* превращается в словообразовательную морфему, своего рода суффикс, с помощью которого образуются слова и от русских корней, хотя такие слова и имеют явно выраженный шуточный оттенок: ср., например, популярное среди газетчиков слово *слухмейкер* – о том, кто распускает слухи.

Интроверты и экстраверты

Эти слова – термины, употребляющиеся в психологии. *Интроверт* – это человек, сосредоточенный на своем внутреннем мире (об этом свидетельствует первая часть слова, восходящая к латинскому *intro* 'внутрь, внутри'), с трудом устанавливающий контакты с окружающими. А *экстраверт*, напротив, – человек, в своих переживаниях и интересах обращенный к внешнему миру, легко устанавливающий контакты с окружающими (на это указывает часть *экстра-*, восходящая к латинскому слову *extra*, которое в одном из своих значений соответствует русскому предлогу *вне*).

Специальные терминологии вообще и в частности терминология, используемая психологами, во множестве содержат иноязычные по происхождению элементы: с помощью заимствованного слова можно точно назвать какое-либо специальное явление, в то время как использованию в этом качестве исконного слова мешает тот факт, что такое слово может иметь определенный (но другой, не терминологический) смысл в общеупотребительном языке.

Примеров масса. Так, в электротехнике существуют *трансформаторы*, хотя это слово почти точно переводится русским *преобразователь*; астрономы говорят об *орбитах* планет, хотя *orbita* по-латыни – то же самое, что по-русски *колея*. Авиаконструкторам и летчикам хорошо известно явление под названием *флаттер*, что в буквальном переводе с английского значит *трепетание*, – разумеется, в авиационной терминологии в качестве обозначения неуправляемой вибрации летательного аппарата во время полета прижилось иноязычное

⁸ Эта морфема в несколько ином фонетическом обличье присутствует и в давнем заимствовании букмекер – от англ. book 'запись ставок на скачках' (одно из значений многозначного слова book) и to make 'делать'.

⁹ В Национальном корпусе русского языка зафиксировано также окказиональное слово *вирусмейкер* – программист, который заражает вирусами компьютерные программы; ср.: – Программа портит загрузочные файлы, дописывая к ним лишние строки, – раскололся *вирусмейкер* (В. Пресняков. Говорит и показывает Москва // «Столица», 26.08.1997).

наименование, а не русское отчасти поэтическое, отчасти устарело-книжное слово *трепетание*. Хирурги перед операцией проводят *анестезию* (больного органа или всего организма), и это точнее передает необходимый смысл, чем русское *обезболивание*: при анестезии, как правило, используются определенные обезболивающие средства, а в значении слова *обезболивание* такой смысловой компонент не обязателен (например, знахари могут обезболить орган или организм заговорами, не применяя никаких химических веществ).

Иноязычные слова *интроверт* и *экстраверт* – тоже примеры подобного «специализирующего» использования заимствованной лексики в качестве терминов. Эти слова обладают и еще одним немаловажным свойством: каждое из них называет то, что по-русски может быть выражено только описательным оборотом (у них нет однословных русских соответствий). Каждое из них по форме и по смыслу соотнесено с терминами, называющими сами психические явления, – *ин-троверсия* (сосредоточенность человека на собственном внутреннем мире, сопровождаемая затруднениями в установлении контактов с окружающими) и его антонимом *экстраверсия*.

Наше время характеризуется активным вторжением специальной терминологии в общеупотребительный язык, даже в повседневный быт. Многие ли из нас до августа 1998 года знали, что такое *дефолт*? Известно ли было лет 20–30 тому назад обычному человеку – не экономисту и не банковскому служащему, – что такое *бартер*, чем занимается *брокер*, для чего нужна *ипотека*? А теперь эти экономические и финансовые термины у всех на слуху. Заметим, что и термины других наук и профессий могут становиться известными неспециалистам и если и не входить в наш быт, то всё же требовать каких-то разъяснений по поводу особенностей своего значения и употребления в речи. *Интроверт* и *экстраверт* – одни из таких терминов: их можно встретить не только в специальной психологической литературе, но и, например, в газетной статье, услышать в телевизионной передаче о здоровье или в радиоочерке об особенностях воспитания детей.

Кастинг

Читая об очередном конкурсе красоты, мы можем узнать, что, прежде чем попасть в число участниц конкурса, девушки проходят *кастинг*. По контексту догадываемся, что это слово обозначает что-то вроде 'отбор, отсеивание', но таково ли значение этого слова на самом деле?

Английское слово *casting*, лежащее в основе этого заимствования, образовано от глагола *to cast*, который буквально значит 'выбраковывать' и первоначально применялся только по отношению к лошадям: перед тем, как быть допущенной к скачкам, лошадь должна была пройти *casting*. Постепенно сфера употребления термина расширилась, и им стали обозначать отбор девушек на конкурсах красоты, при демонстрации новых моделей одежды, актеров – кандидатов на исполнение той или иной роли в фильме или спектакле. В этом расширительном значении слово *кастинг* и было заимствовано русским языком.

– А зачем? – вправе спросить читатель-скептик. – Разве нельзя обойтись всем понятными словами *отбор* или *подбор*, чтобы не засорять русский язык еще одним «чужаком»? Можно. Правда, при этом мы должны сопровождать слова *отбор* и *подбор* разного рода уточнениями: отбор (подбор) девушек для конкурса красоты, отбор (подбор) актеров при съемках фильма и т. д. Это необходимо для того, чтобы отграничить употребление слов *отбор* и *подбор* в этом смысле от других употреблений: можно ведь говорить, например, об *отборе фактов* – из какого-то их множества, об *отборе абитуриентов* при поступлении в институт, о *естественном отборе* в живой природе, о *подборе ключа* к замку, *подборе мелодии* к стихам и т. д. Ни в одном из этих случаев слово *кастинг*, разумеется, не годится. Но если *кастингом* мы обозначаем не всякий отбор или подбор, а специальный, то перед нами классический случай такого разграничения значений «своего» и «чужого» слов, при котором «свое» обозначает нечто более общее по смыслу, а «чужое» закрепляется в качестве специального

термина, относящегося к тем или иным сферам профессиональной деятельности. В русском языке можно найти немало лексических пар именно такого рода: *список – индекс, ограничение – лимит, всеобщий – тотальный, отображать – проецировать* и мн. др.

Итак, *кастинг* – это отбор или подбор, но не всякий, а «предварительный подбор исполнителей, участников какого-либо шоу (актеров для съемок в фильме, девушек для конкурса красоты, манекенщиков для показа моделей и др.)» [НСИС 2003: 274].

* * *

Примеры иноязычно-русских лексических соответствий, рассмотренные в этом очерке, свидетельствуют о том, что не всякое иноязычное слово может расцениваться как лишнее, как засоряющее родную речь, – во многих случаях заимствование или называет какой-то новый предмет, не имеющий русского наименования, или уточняет какое-либо понятие, или коротко, одним словом называет то, что по-русски можно назвать описательно, с помощью нескольких слов.

Это, конечно, не значит, что иноязычное всегда лучше своего, родного. История русского языка свидетельствует как раз о том, что многие заимствованные слова, бывшие в употреблении, скажем, в XIX веке, бесследно исчезли, и говорящие по-русски нисколько не пожалели об этом. Кто из носителей современного русского языка знает, например, что такое *индижестия*? Что имел в виду Гоголь, когда в «Мертвых душах» писал о даме, с которой приключилось «небольшое *инкомодите*»? Кто такой *супирант*? Какой смысл вкладывали наши предки в слово *суспиция*? И что они имели в виду, когда считали, что театральный актер излишне *фарсирует*? Сейчас не всякий словарь даст нам ответы на эти вопросы, и мы узнаем, что *индижестия* – это несварение желудка, что *инкомодите* означает по-русски просто неудобство, неловкость, что *супирантом* называли поклонника, воздыхателя, а *суспицией* – подозрение, недоверие к кому-либо, что *фарсирующим* называли актера, который достигает комического эффекта чисто внешними приемами игры (см. [Редкие слова 1997]).

Возможно, и кое-какие из слов-иностранцев, появившихся в последние десятилетия, канут в безвестность, уйдут из нашего языка. Но коль скоро они употребляются сейчас, и порой весьма часто и в разных сферах общения, мы должны знать, что они значат, как соотносятся с близкими по смыслу русскими словами, как надо правильно писать их и произносить, имеют ли они какую-либо стилистическую окраску, образуют ли производные и т. д. Ответы на эти вопросы носитель языка вправе ожидать от составителей современных словарей.

Иноязычное слово как транслятор иной культуры¹⁰

Среди лексики, заимствуемой каждым языком в тот или иной период его развития из других языков, значительный пласт составляют так называемые экзотизмы – слова, называющие реалии «чужой» жизни. Это могут быть названия объектов природы – деревьев, трав, пород диких и домашних животных, рыб, насекомых и т. п., национальных традиций, особенностей государственного устройства, семейного быта, национальных блюд и напитков, то есть всего того, в чем так или иначе проявляется своеобразие жизни народа и населяемой им территории: ср., например, такие слова, как *араукария*, *бальса* – породы деревьев, растущих в Южной Америке, *сельва* – влажные экваториальные леса в Бразилии, *пиранья* – хищная прожорливая рыба, обитающая в реках Южной и Центральной Америки, *праймериз* – в США: первичное собрание избирателей для выдвижения кандидатов на выборные государственные должности, *хурал* – орган государственной или местной власти в Монголии, *шахсей-вахсей* – религиозная церемония у шиитов, имитирующая страдания Хусейна, одного из потомков Мухаммеда, *якудза* – японская мафия, а также представитель этой мафии, гангстер (более подробно об экзотизмах, их весьма пестрых тематических группах и условиях употребления в речи см., например [Супрун 1958; Крысин 1968: 46-52]).

Границы между экзотической лексикой и «обычными» заимствованиями – то есть словами, семантика и употребление которых не специфичны для той или иной страны (территории), – не жестки. При определенных обстоятельствах экзотизм может превратиться в слово, хотя и сохраняющее признаки иноязычности (что обычно более или менее ясно ощущается говорящими), но именующее реалию, которая прививается в жизни носителей языка-реципиента: ср., например, слова *мэр*, *префект*, *парламент*, *муниципальный*, *спикер* и др., которые до середины 80-х годов XX века были в русском языке на положении экзотизмов, характеризующих политическое и государственное устройство других стран (не СССР и не России). Когда-то, в конце XIX – самом начале XX века слово *футбол* воспринималось носителями русского языка как явный экзотизм, поскольку обозначало спортивную игру, еще не известную в России, а слово *соккер* и сейчас представляет собой элемент экзотической лексики, поскольку называет разновидность футбола, распространенную только в США и некоторых других странах Америки.

Экзотические слова не только называют реалии, не известные носителям заимствующего языка, – они могут нести в своих значениях указание на определенную специфику культуры данного народа, особенности его обычаев, его менталитета. Употребляясь в другом языке, такое слово, обозначая соответствующее понятие, как бы транслирует кусочек иной культуры, адресуя трансляцию людям, не являющимся носителями этой культуры.

Такое указание на культурную специфичность понятия и соответствующего ему слова занимает определенное место в толковании слова – наряду с чисто номинативным (ассертивным) смысловым компонентом, называющим данный объект. От исконных или ранее заимствованных слов языка-реципиента такие экзотизмы отличаются именно этим культурным компонентом, совпадая в компоненте номинативном (ассертивном).

Покажем это на нескольких примерах.

Английское слово *porridge* обозначает овсяную кашу, которую англичане обычно готовят на завтрак. Казалось бы, какая необходимость употреблять в русском тексте слово *поридж*, даже в случае, когда сообщаемое в этом тексте касается жизни в Англии? Так и писали бы: *По утрам англичане едят овсяную кашу*. Но в том-то и дело, что словосочетание

¹⁰ Впервые опубликовано в кн.: Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы / Отв. ред. Г. П. Мещищенко. Т. 1. М., 2006. С. 106-113.

овсяная каша нейтрально: оно не указывает на то, что в традициях именно англичан, а не вообще людей есть по утрам эту кашу.

Поридж – это часть этностереотипа, приписывающего англичанам такие свойства, как чопорность, холодность, незыблемую верность традициям и т. п. (о понятии этностереотипа и способах его языкового выражения см. [Крысин 2003], а также наст. изд., с. 169-175). Слово *поридж* не просто называет соответствующее блюдо, а сигнализирует об определенном национальном обычае, хотя блюдо, которое ест и англичанин, и русский, может быть абсолютно одинаковым и по составу, и по вкусу.

Еще одно английское слово – *tutor* – в Англии служит для называния домашнего наставника, опекуна (оно и происходит от глагола *to tutor* 'опекать, воспитывать'). Если мы переведем его словами *воспитатель, опекун*, даже добавив определение *домашний*¹¹, и тем самым полностью передадим по-русски ассертивную часть семантики английского слова, такой перевод не будет адекватным: исчезнет указание на особенность именно английского домашнего воспитания и образования. И дело здесь не в том, что в русском семейном быту сейчас, в отличие от XIX века, нет домашних опекунов как определенного социального института (хотя некоторые состоятельные семьи могут это себе позволить), – даже если бы такая традиция возродилась, соответствующее лицо едва ли получило бы название *тьютор*: слишком ярка в нем национальная «английская» окраска, прикрепленность к английской семейной традиции¹².

Слово *килт* (в иной форме *килт*) обозначает мужскую юбку – элемент шотландской национальной одежды. Указание на национальное своеобразие этого вида одежды является культурным компонентом значения слова.

Подобные указания на национальную специфичность предметов материальной культуры есть у слов ряда тематических групп:

- названия одежды: *аба* 'мужская распашная одежда в виде длинного плаща из верблюжьей шерсти у народов Ближнего Востока' (аба – характерный элемент одежды бедуинов), *айшон* 'женский головной платок у удмуртов', *аракчин* 'мужская тюбетейка у персов', *бешмет* 'мужская распашная одежда у народов Средней Азии и Кавказа', *бурнус* 'верхняя мужская одежда у народов Ближнего Востока и Северной Африки', *галабея* 'широкая мужская рубаша у народов Северной и Центральной Африки', *гатъя* 'широкие мужские полотняные штаны у венгров', *гусь* 'мужская верхняя меховая (мехом наружу, с капюшоном) одежда у манси и ненцев', *дохоти* 'мужская одежда у народов Южной и Юго-Восточной Азии в виде полосы ткани, прикрывающей бедра, конец которой пропускается между ног', *кебая* 'женская кофта у народов Индонезии', *кенте* 'мужская широкая длинная рубаша у народов Западной Африки', *койлек* 'женское платье-рубаша у народов Средней Азии и Поволжья', *сары* 'индийская женская одежда из куска ткани, обертываемого вокруг тела', *саронг* 'мужская и женская одежда у народов Юго-Восточной Азии в виде полосы ткани, обертываемой вокруг тела и доходящей до щиколоток', *сая* 'распашная женская одежда у болгар и македонцев', *ципао* 'женская распашная, со стоячим воротником одежда у китайцев', *чепан* 'стеганный халат без пуговиц у народов Средней Азии' и др.;

¹¹ Наиболее близким – но не тождественным – по смыслу однословным эквивалентом было бы устаревшее *дядька*, которое В. И. Даль определяет как «[человек], приставленный для ухода или надзора за ребенком, пестун» [Даль 1955: 512]; в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова ему дается такое толкование: «Слуга, приставленный к мальчику в дворянской семье (истор.)»; при этом обращает на себя внимание рестриктивный компонент ('приставленный' к мальчику), которого, по-видимому, нет у английского *tutor* (во всяком случае, английские толковые словари его не отмечают).

¹² Кроме того, в словесном арсенале русского языка есть французское по происхождению слово *гувернёр* с близким значением, и в случае необходимости скорее всего возродится оно, так как традиция употребления этого слова в русском языке XIX века сняла с него ауру экзотичности, отнесенности только к французскому семейному быту, приспособив для обозначения иностранца – воспитателя детей в дворянских семьях.

- названия жилищ: *алачик* 'войлочный шатер эллиптической формы у тюркоязычных народов Передней Азии', *вигвам* 'куполообразная или коническая хижина из жердей, покрытых корой или кожей, у индейцев Северной Америки', *викупа* 'хижина из ветвей у апачей', *голомо* 'коническое жилище, утепленное землей и дерном, у народов Севера', *иглу* – 'куполообразная хижина канадских эскимосов, сложенная из снежных плит', *истаба* 'жилое помещение у латышей', *кор* 'дом-крепость у сванов', *сакля* 'тип жилища у горцев Кавказа с каменными, глинобитными или саманными стенами и плоской крышей', *фанза* 'тип жилища у китайцев на каркасе из деревянных столбов', *чум* 'переносное жилище северных народов в виде шатра конической формы, покрытого шкурами, войлоком, корой и т. п.', *юрта* 'переносное жилище у народов Центральной и Средней Азии в виде конического или куполообразного деревянного каркаса, покрытого войлоком', *ярanga* 'переносное жилище у народов северо-востока Сибири в виде конического деревянного каркаса, покрытого оленьими шкурами' и др.;

- названия блюд и напитков: *айран* 'напиток из кислого коровьего молока у народов Средней и Передней Азии, Сибири и Кавказа', *бешибармак* 'мясное блюдо у народов Средней Азии в виде кусочков баранины с мучной приправой', *бигос* 'блюдо из тушеной капусты у поляков', *бозбаши* 'мясной соус у народов Кавказа', *говурма* – 'заготовленная впрок баранина, жаренная в сале, у народов Ближнего Востока', *гу-аро* 'водка из сахарного тростника у народов Центральной Америки', *гутаб* 'пирожки с мясом и зеленью у народов Средней Азии и Кавказа', *долма* 'род голубцов, обернутых в виноградные листья, у народов Кавказа и Ближнего Востока', *казы* 'колбаса из конины у народов Средней Азии и Поволжья', *кебаб* 'жаркое у народов Кавказа и Передней Азии', *курут* 'вид сыра у скотоводческих народов Азии', *мате* 'тонизирующий напиток у народов Южной Америки', *хинкали* 'род крупных пельменей у народов Кавказа и Передней Азии', *шорва* 'мясной суп у азербайджанцев' и др.

Компонент значения, указывающий на национально-культурную специфику обозначаемого, содержат и слова, называющие объекты, относящиеся к духовной культуре народов:

- названия музыкальных инструментов: *авлос* 'тростниковая флейта у греков', *ангклунг* 'ударный музыкальный инструмент у народов Индонезии', *гиджак* 'струнный музыкальный инструмент у народов Средней Азии', *дutar* 'струнный щипковый музыкальный инструмент у народов Средней и Передней Азии', *зурна* 'деревянный духовой музыкальный инструмент у народов Кавказа', *кеманча* 'струнный смычковый музыкальный инструмент у народов Кавказа и Передней Азии', *кобза* 'струнный щипковый музыкальный инструмент у молдаван и румын', *ребаб* 'двухструнный музыкальный инструмент у арабов', *саз* 'струнный щипковый музыкальный инструмент у народов Кавказа и Передней Азии', *сямисэн* 'японский струнный щипковый музыкальный инструмент с тремя струнами', *танбур* 'струнный щипковый музыкальный инструмент у народов Азии', *хур* 'струнный смычковый музыкальный инструмент у монгольских народов' и др.;

- названия танцев и вокальных произведений: *вилотта* 'песенный жанр у итальянцев', *вильянсико* 'песенный жанр у испанцев', *воладор* 'ритуальный танец-игра у индейцев Мексики и Центральной Америки', *гуарача* 'песня-танец у народов Карибского бассейна', *дайна* 'лирическая песня в фольклоре латышей и литовцев', *дойна* 'лирическая песня в фольклоре молдаван и румын', *дэнгаку* 'японское средневековое театрализованное музыкальное представление', *йодль* 'песенный жанр у альпийских горцев, характеризующийся частой сменой регистров', *корридо* 'песня-баллада исторического содержания у мексиканцев и других народов Латинской Америки', *мунейра* 'галисийский парный танец, сопровождаемый пением', *сардана* 'каталонский хороводный танец', *хоруми* 'аджарский мужской хороводный танец' и др.;

- названия национальных обычаев: *амбил-анак* 'обычай усыновления зятя у народов Индонезии', *вендетта* 'обычай кровной мести у жителей Корсики и Сардинии', *дивали*

'индуистский праздник огней', *каргатуй* 'весенний праздник у башкир и татар', *касым* 'осенний праздник у турок', *ртве-ли* 'праздник окончания сбора винограда у грузин', *сорорат* 'брачный обычай у некоторых народов в период первобытнообщинного строя, заключающийся в том, что один мужчина одновременно женился на двух или нескольких родных (между собой) или двоюродных сестрах', *той* 'празднество у народов Средней Азии и Сибири, сопровождаемое пиршеством, музыкой, плясками' и др.¹³

Возникает вопрос: каков нормативный статус подобных слов? Являются ли они элементами русского словаря? Или же их употребление ограничено определенными (и при этом весьма жесткими) условиями? Большая часть приведенных слов-экзотизмов не принадлежит современному русскому словарю в качестве его органической составляющей: они употребляются лишь в ситуациях и контекстах, описывающих соответствующие этнические реалии. Они уместны, например, в этнографической литературе, при описании обычаев и обрядов того или иного народа, в путевых очерках, в переводах фольклорных и художественных произведений. И не просто уместны – без них нельзя обойтись, ибо именно они, в сочетании (при необходимости) с их толкованиями, передают национально-культурный колорит описываемых особенностей жизни того или иного народа.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что некоторые из слов, которые можно отнести к какой-либо из перечисленных тематических групп, теряют или потеряли совсем семантический компонент, указывающий на национальную специфичность обозначаемого объекта. Это, например, такие слова, как *папах*, *халат*, *плов*, *пицца*, *халва*, *шашлык* и некоторые другие: папахи носят полковники и генералы российской армии, в халатах ходят не только кавказцы и жители Средней Азии, пиццу, плов и шашлык едят в кафе и ресторанах всей России, а халву производят не только в странах Востока.

Отдельные слова, в прошлом принадлежавшие экзотической лексике, приобрели переносные значения, окончательно утратив связь с первоначальной национально-культурной самобытностью: таково, например, слово *сабантуй*, которое в современном русском языке обозначает шумное веселье с застольем, пирушку и в словарях имеет стилистическую помету «разг. шутл.» (по происхождению же это народный праздник у тюркоязычных народов по завершении весенних полевых работ – от тюрк. *saban* 'плуг' и *tuj* 'праздник'). В других экзотизмах, наряду с прямым значением, развиваются переносные, в которых отсутствует указание на культурную специфику обозначаемого объекта. Так, слово *гуру*, которое в своем основном значении толкуется как специфическое для индуизма обозначение учителя, духовного наставника [Крысин 2000: 204], в современном русском языке может употребляться и в расширительном смысле: 'о том, кто учит, формирует мировоззрение' [Захаренко, Комарова, Нечаева 2003: 180]; словом *камикадзе*, которое в прямом значении называет 'летчика-смертника в японской армии периода Второй мировой войны, погибавшего вместе с атакующим цель самолетом' [Крысин 2000: 297], в русской разговорной речи называют также 'безрассудного смельчака, жертвующего собой' [там же]: *В этом деле нам никакие камикадзе не нужны*

Рассмотренный материал свидетельствует: культурная специфика, передаваемая в значении слова или в его коннотациях, может характеризовать разные стороны жизни того или иного этнического сообщества: быт, традиции, обычаи и обряды, социальное и политическое устройство общества, управление им со стороны государства, сферы религии и церкви, виды и жанры национального искусства и многое другое. Во всех этих случаях соответствующие слова, называющие то или иное понятие, помимо номинативной функции имеют и функцию «культурную»: они сигнализируют об определенной специфической черте поня-

¹³ В приведенных примерах использованы сведения, содержащиеся в энциклопедическом словаре [Народы мира 1988: 617624] и в словаре [Крысин 2000].

тия, связанного именно с данной национальной культурой. Некоторые из подобных культурно специфичных слов могут с течением времени утрачивать компонент смысла, указывающий на связь обозначаемого с иной культурой, и развивать переносные значения.

Иноязычное слово в роли эвфемизма¹⁴

Эвфемизм – вид иносказания. Слово *иносказание*, по-видимому, не имеет терминологического статуса, т. е. не является точным термином, именующим ясно выделяемое понятие (или круг понятий). Можно назвать и другие виды иносказаний: *аллегория* (например, весы – символ правосудия, якорь – символ надежды и т. п.)¹⁵, *гиперболу* как способ преувеличить, усилить, подчеркнуть размеры, качество, количество и другие характеристики объекта (*Орехи – величиной с кулак; Глаза – как блюда; Вина – залейся!*)¹⁶, *литоту*, понимаемую и как прием выразительности, основанный на двойном отрицании (*небесспорный, не без умысла*), и как «обратная гипербола» (*мужичок-с-ноготок*), *мейозис* как прием выразительности, основанный на намеренном преуменьшении интенсивности свойств предмета речи, действий, процессов и т. п. (*Ее трудно назвать красавицей* – об уродливой женщине)¹⁷, и некоторых других.

Главное отличие эвфемизма от других видов иносказания – в его функции: к эвфемизмам прибегают тогда, когда хотят завуалировать, закамouflировать некий смысл, который говорящий почему-либо считает неудобным обозначать прямо. Чаще всего причины – этического порядка: при определенных условиях общения неудобно вслух произнести (или написать): *Она беременна*, поэтому говорят и пишут: *Она ждет ребенка; Она готовится стать матерью*; неудобно приказывать ребенку: *Высморкайся!* – и мы несколько смягчаем приказ: *Освободи нос!* Когда семнадцатилетняя дочь говорит матери: – *У нас с Сережей ничего не было*, – и она, и мать понимают, о чем идет речь, хотя впрямую ничто не названо.

Процесс эвфемизации тесно переплетается с процессом номинации – одним из трех фундаментальных процессов, формирующих речевую деятельность человека (два остальных – предикация и оценка). В самом деле, объекты, по этическим, культурным, психологическим или каким-либо иным причинам не называемые или называемые с трудом, нуждаются в эвфемистическом обозначении. Обновление номинаций диктуется необходимостью вновь и вновь вуалировать или смягчать сущность того, название чего в данном обществе считается неудобным, неприличным и т. п.

В отличие от обычной номинации эвфемизм обладает собственной спецификой. Для процесса эвфемизации существенны следующие моменты:

1) оценка говорящим предмета речи как такого, прямое обозначение которого может вызвать своего рода коммуникативный дискомфорт: оно может быть квалифицировано – в данной социальной среде или конкретным адресатом – как грубость, резкость, неприличие и т. п.; по-видимому, лишь определенные объекты, реалии, сферы человеческой деятельности и человеческих отношений могут вызывать подобную оценку, поэтому эвфемизации подвергается не всякая речь, а речь, связанная с определенными темами и сферами деятельности: например, темы болезней и смерти (*французский насморк* – о сифилисе; *Она совсем плохая* – об умирающей; *усопший* вместо *умерший*; *Его нет больше с нами* (о покойном); *потерять ребенка* (= допустить, чтобы ребенок умер, не справиться с его болезнью – в речи

¹⁴ Впервые опубликовано в журн.: Русский язык в школе. 1998. №2. С. 71-74.

¹⁵ Слова *аллегория* и *иносказание* иногда употребляются как синонимы (см., например [Квятковский 1966: 16, 122]), однако синонимия их скорее этимологическая (греч. *allegoria* и означает 'иносказание'), чем смысловая, поскольку не всякое иносказание является аллегорией.

¹⁶ Гипербола как прием выразительности характерна не только для художественного текста (обычно именно это подчеркивается в учебниках стилистики), но и для разговорной речи, для обиходно-бытового общения людей; см. об этом подробнее в статье [Крысин 1988].

¹⁷ О терминах *литота* и *мейозис* см. «Словарь литературоведческих терминов», энциклопедию «Русский язык», а также [Никитина, Васильева 1996: 89, 91-92].

врачей); отношения между полами: выражения *находиться в близких, интимных отношениях, интимной связи, физическая близость* – эвфемистичны;

2) подбор говорящим таких обозначений, которые не просто смягчают те или иные кажущиеся грубыми и слишком прямыми слова и выражения, а маскируют, вуалируют суть явления; это особенно ясно видно на примере семантически расплывчатых медицинских терминов типа *новообразование* вместо пугающего *опухоль*, а также в использовании слов с «диффузной» семантикой: *известный, определенный, надлежащий, своеобразный* и под.: *определенные деструктивные силы* [не называется, какие]; *Своими непродуманными действиями правительство привело страну к известным результатам* (т. е. плохим, негативным); *В мерседесах едут люди, я бы сказал, со своеобразными лицами*;

3) зависимость употребления эвфемизма от контекста и условий речи: чем жестче социальный контроль речевой ситуации и самоконтроль говорящим собственной речи, тем более вероятно появление эвфемизмов; напротив, в слабо контролируемых речевых ситуациях и при высоком автоматизме речи (ср. общение в семье, с друзьями и т. п.) эвфемизмам могут предпочитаться «прямые» обозначения, или дисфемизмы¹⁸;

4) социальная обусловленность представления о том, что может быть эвфемизмом: то, что в одной социальной среде расценивается как эвфемизм, в другой может получать иные оценки. Например, среди носителей диалектов и просторечия не считается неприличным напрямую именовать некоторые объекты и процессы, связанные с анатомией и физиологией человека, с отношениями между мужчиной и женщиной (в культурной среде до недавнего времени на этот счет существовало жесткое табу, которое сейчас, насколько можно судить по нашей прессе и телеэфире, значительно ослаблено). Однако и в просторечной, и в диалектной речевой среде также существует потребность в эвфемизации средств выражения; ср., например, употребление глаголов *шалить, баловаться, озорничать, озоровать* в контекстах типа:

Тогда на дорогах бандиты шалили, нашего брата обирали; Для стариков это птичий грех – со снохой баловаться (М. Горький); *Продавцы озоруют – молоко водой разбавляют*.

Существуют достаточно многообразные способы создания эвфемизмов, эвфемизации речи¹⁹. В качестве эвфемизмов используются:

1) слова-определители с диффузной семантикой: *некоторый, известный, определенный, соответствующий, надлежащий* и нек. др. (примеры см. выше);

2) номинации с достаточно общим смыслом, используемые, однако, для называния вполне конкретных предметов и действий: *акция* (= расстрел); *изделие* (= атомная бомба; ракета); *учреждение* (= лагерь, тюрьма) ит. п.;

3) некоторые местоимения: *что-нибудь, ничего, это, один (одна, одно)*, ср.:

Мне в одно место надо (= в уборную); *Как у вас с этим делом?* (= с выпивкой); «Про это» [название телепрограммы о сексе];

4) аббревиатуры: *СС* (= совершенно секретно); *ВМ* (= высшая мера наказания) и др.;

5) слова, обозначающие неполноту действия: *прихрамывать* (о хроме); *недослышит* (о глухом), *приостановить* (членство в партии, деятельность организации и т. п.);

6) иноязычные слова.

Рассмотрим подробнее иноязычные слова-эвфемизмы.

Иноязычные слова удобны в качестве эвфемизмов прежде всего потому, что подавляющим большинством носителей русского языка они осознаются как непроемные, немотивированные, нечленимые на морфемы. В отличие от русских наименований, называющих

¹⁸ Термин «дисфемизм» (например, *располливиться* вместо *заплакать*) используется в статье Н. С. Араповой «Эвфемизмы» (см.: [ЛЭС 1990: 590]).

¹⁹ Подробнее о способах и средствах эвфемизации речи см. в работе [Крысин 1996а].

данный «неприятный объект», они, во всяком случае на начальных этапах своего употребления, не имеют нежелательных коннотаций. Ср.: *канцер* вместо *рак*, *педикулез* вместо *вши-вость*, *селадон* вместо *бабник* и под. Но даже и в тех случаях, когда иноязычное слово соотносимо с однокоренными словами, такое соотношение наталкивает не на те семантические связи, которые актуализованы в эвфемизме. Так, слово *либерализация* в контексте *либерализация цен*, хотя и соотносительно со словами *либеральный*, *либерал*, однако такое соотношение ничего не проясняет в том специфическом смысле, в каком существительное *либерализация* и глагол *либерализовать* применяются к ценам: речь идет фактически о повышении цен, но слова *либерализация*, *либерализовать* удачно вуалируют этот неприятный для большинства людей факт. Характерны такие комментарии употребления этих иноязычных эвфемизмов:

Последствия реформы обнаруживаются в виде инициируемой сверху гиперинфляции и беспрецедентного взвинчивания цен, почему-то нежно называемого благозвучным именем «либерализация» (Московский комсомолец, 02.02.1992).

Сходную роль играют глагол *регулировать* и существительное *регулирование*, употребляемые применительно к ценам.

В качестве эвфемизмов часто выбираются такие иноязычные слова, которые либо многозначны, либо диффузны по своей семантике и поэтому приложимы к широкому классу объектов. Однако, будучи употребленным в роли эвфемизма, такое слово актуализует только один, достаточно определенный смысл. Ср. объявления в современной газете:

На высокооплачиваемую работу приглашаются девушки без комплексов [имеются в виду потенциальные проститутки]; *Стройная, умная, молодая женщина ищет личного спонсора*.

Прилагательное *интимный*, определяемое в толковых словарях как «сокровенный, душевный; глубоко личный» и сопровождается соответствующими примерами: «*И. друг. И. разговор. Интимные подробности чего-н.*» [СОШ 1997], в качестве эвфемизма употребляется применительно к половым отношениям. Во всяком случае, милицейские протоколы и некоторые другие жанры административно-юридических документов знают только такое употребление: *вступать в интимные отношения; находиться в интимной связи; оказывать интимные услуги за вознаграждение* (из милицейского протокола).

Эвфемизмы – иноязычные слова могут выполнять и определенные социально-психологические функции. Например, функцию предотвращения коммуникативного дискомфорта, даже (в определенном смысле) нанесения слушателю психологической травмы. Ср.: ... *острая почечная недостаточность в терминальной стадии* (ТВ, январь 1997 г.). Синонимичный оборот *в конечной стадии*, ввиду явно негативных коннотаций слова *конечный*, был бы таким травмирующим фактором.

Другой пример – переименование некоторых профессий. Оно может иметь целью повышение их престижа или сокрытие, вуалирование негативного впечатления от профессии при «прямом», незвфемистическом ее обозначении. Ср.: *оператор машинного доения, оператор на бойне* (прежние названия *дояр, боец*), *контролер* вместо *надзиратель* (в тюрьме). Вот характерный пример:

Профессия Олега гораздо более романтическая и жизненная: он инструктор по случке собак. Олег, правда, обижается, когда его называют «вязальщиком», но ничего не имеет против киносексопатолога (Московский комсомолец, 08.02.1992).

Иноязычное слово часто воспринимается говорящими как символ книжности, учености, поэтому многие из этих слов считаются более престижными, чем «свои», русские. Это проявляется и при эвфемизации, поскольку слово-эвфемизм не только оказывается более или менее удачным камуфляжем для того или иного «неприятного» явления, но и как бы повышает его ранг, делает вполне респектабельным.

Оценочный компонент семантики иноязычного слова²⁰

1. Предварительные замечания

1) Иноязычная лексика по ряду характеристик занимает особое место в словаре. Я имею в виду не только и даже не столько формальные признаки иноязычности, которые обычно фигурируют при описании заимствованных слов (типа начальной буквы а, наличия в слове буквы *ф* и фонемы /ф/, зияния гласных – *аорта*, *поэма* и под., морфологической неизменяемости имен существительных и прилагательных: *кофе*, *депо*, *какаду*, *хаки* и т. п.), сколько восприятие иноязычных слов говорящими.

По-видимому, можно говорить о некоей отмеченности, выделенности иноязычного слова в языковом сознании говорящих по нескольким признакам. Во-первых, иноязычное слово связано с книжностью – книжной культурой, книжным стилем языка, книжной стилистической окраской. Во-вторых, вследствие иноязычности формы смысл слова для многих говорящих оказывается как бы зашифрованным, непонятым (или, во всяком случае, менее понятным, чем смысл своего, русского). В то же время эта непонятность может служить символом недоступной учености, почему и речь, содержащая иноязычные слова, нередко расценивается как социально престижная. Это, однако, не мешает существованию в обществе оценки пристрастия к иностранным словам как признака псевдоучености, нелюбви к родному языку и т. д., а в крайних случаях увлечение иноязычной лексикой и терминологией рассматривается (в определенной социальной и культурной среде) как проявление чуждой идеологии. Словом, иноязычная лексика представляет собой такой лингвистический объект, в котором перекрещиваются самые различные, иногда противоречивые социальные оценки, сталкиваются мнения и страсти, которые порой уводят спорящие стороны далеко от языка – в область идеологии, политики, мировоззренческих разногласий.

Этот факт известен давно, и все писавшие о языковом заимствовании так или иначе его отмечали. Я напоминаю здесь о нем в связи с целью своей статьи: показать, что социальные оценки иноязычного слова далеко не всегда группируются вокруг слова (точнее, вокруг обозначаемого им понятия), даже не всегда создают стилистическую окраску или тот эмоциональный ореол, который окружает слово, – нередко они оказываются частью лексического значения, т. е. представляют собой определенный семантический компонент.

2) В связи с этим – второе замечание. Я придерживаюсь тезиса о структурированности лексического значения, т. е. о том, что значение слова в общем случае представляет собой структуру, в которой взаимодействуют разные слои смысла – собственно денотативный, «фоновый», оценочный ит.п. В соответствии с такой точкой зрения толкование слова (как аналог его значения) может содержать ассертивную часть и пресуппозицию, описание факта или ситуации действительности – и оценку этого факта (ситуации) говорящими (подробнее об этом см. в работах Ч. Филлмора и Ю. Д. Апресяна). Важно подчеркнуть, что такого рода оценка входит в значение: без ее учета толкование оказывается неправильным (неадекватным тому смыслу, в котором понимают и употребляют языковую единицу носители языка).

3) Наконец, третье замечание. Оно касается разграничения понятий заимствования слова и его освоения в языке-реципиенте. Вопрос этот неоднократно обсуждался в литературе, и я, естественно, не буду излагать различных точек зрения. Для наших целей важна разница этих двух процессов в таком плане: при заимствовании слова, как правило, проис-

²⁰ Впервые опубликовано в кн.: Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. М., 1992. С. 64-70.

ходит сужение его лексического значения по сравнению с его смысловым потенциалом в языке-источнике (так называемый закон Поливанова); при освоении, которое может представлять собой более или менее длительный процесс, иноязычное слово может расширять свое значение, в частности становиться многозначным.

Оценочный компонент значения редко сохраняется таким же, каков он у слова в языке-источнике (однако такие случаи возможны; ср., например, слово *галиматья* и его французский прототип). Чаще оценка появляется у слов, которые в языке-источнике либо не содержали никакой оценки, либо эта оценка была «с другим знаком». Оценка в значении иноязычного слова может появляться как на этапе заимствования, так и на этапе освоения, причем в одном и том же слове это нередко разные оценки: одна появляется на этапе заимствования, другая – на этапе освоения; они могут сосуществовать, но могут и отрицать одна другую. В связи с этим хотелось бы привести одно высказывание В. В. Виноградова, которое относится вообще к слову, но в особенности применимо к слову иноязычному:

«Слово не только обладает грамматическими и лексическими, предметными значениями, но оно в то же время выражает оценку субъекта – коллективного или индивидуального. Само предметное значение до некоторой степени формируется этой оценкой, и оценке принадлежит творческая роль в изменениях значений» [Виноградов 1947: 18].

2.

Обратимся к анализу конкретного материала – иноязычных слов, заимствованных русским языком. Естественно, для того чтобы показать, что оценка может составлять часть значения слова, необходимы толкования лексических значений или, во всяком случае, такое их описание, из которого было бы ясно наличие оценочного компонента в семантике иноязычного слова.

Оценка присутствует обычно в значениях предикатных слов, т. е. слов, имеющих актантную структуру. Она может относиться к субъекту действия, к самому действию, к объекту, на который действие направлено, и т. д. Общим здесь является то, что чаще всего оценочны по своему смыслу те иноязычные слова, которые обозначают человека и человеческие отношения или понятия, находящиеся в сфере человеческих отношений, вовлеченные в эту сферу. Начнем с наиболее бесспорных случаев.

2.1. Афера (фр. *affaire* 'дело') – «недобросовестное, мошенническое предприятие, дело, действие» [СО]; «рискованное предприятие с целью наживы; недобросовестное, темное дело» [МАС]; «жульническое предприятие, мошенничество; сомнительная сделка» [СИС 1987].

В этих толкованиях налицо оценочный компонент: он заключен в определениях 'недобросовестное, мошенническое, рискованное, темное', в существительных 'мошенничество, сделка', в обороте 'с целью наживы' (возможно, правда, что этот оборот, включенный в толкование, несколько огрубляет ситуацию: афера может и не преследовать непосредственно наживу – в виде денег, наследства и т. п., но она, по-видимому, всегда связана с выгодой для субъекта этого действия). Компоненты же толкований: 'предприятие', 'дело', 'действие' – составляют асертивную их часть; они повторяют те компоненты смысла, которые присутствуют в значении французского прототипа, тогда как оценочная часть – результат освоения слова на русской языковой почве.

2.2. Авантюра (фр. *aventure* 'приключение; происшествие'). Столь же рельефно выступает оценочный компонент и в значении слова *авантюра*. Современные словари дают этому слову следующие толкования: «беспринципное, рискованное, сомнительное по честности дело, предпринятое в расчете на случайный успех» [СО]; «беспринципное, рискованное предприятие; дело, начатое без учета реальных сил и условий, в расчете на случайный

успех» [МАС]. В [МАС, БАС, СИС 1987], кроме того, отмечается и чисто номинативное, неоценочное значение этого слова: «приключение, похождение» (оно подтверждено примерами из литературы XIX в.), которое сейчас, вероятно, следует считать устарелым (следы его сохраняются в словосочетании-кальке *авантюрный роман*).

Оценочные компоненты можно также обнаружить и в толкованиях, которые даются современными словарями таким иноязычным словам, как *агрессия*, *ажитаж*, *бравада*, *дебош*, *клика*, *кураж*, *помпа* и *помпезный*, *тоталитарный*, и ряду других.

Однако довольно многочисленны случаи такого описания иноязычных слов в современных толковых словарях, при котором оценка интерпретируется как эмоциональная или стилистическая окраска слова, как ироническое, шутливое и т. п. употребление его. Собственно же толкование подобных слов оценочного компонента не содержит. Вот несколько примеров.

2.3. Вояж (фр. *voyage* 'поездка, путешествие'). Это слово в словарях толкуется следующим образом: «устар. Поездка, путешествие» [МАС, БАС, СИС 1987]; «(устар., теперь чаще ирон.). Путешествие, поездка» [СО]. Судя по примерам, которые приводятся в [МАС] и [БАС], в XIX в. это слово сначала употреблялось безоценочно, в качестве книжного синонима слов *поездка*, *путешествие*, а затем, во второй половине XIX в., – в шутливо-иронических контекстах (ср. в [БАС] примеры из произведений Мятлева и Козьмы Пруткова), отражавших оценку говорящими обозначаемого этим словом действия (по его цели, характеру и т. п.).

В современном языке *вояж* – принадлежность преимущественно публицистического стиля, и здесь оно, безусловно, оценочно. Ср. контексты типа:

Вояж натовского генерала;

Сей юный предприниматель любил дальние вояжи по городам и весям нашей необъятной родины. Из этих вояжей он возвращался нагруженный иконами, старинными подсвечниками, самоварами и тому подобным «антиквариатом», который сбывал отнюдь не по комиссионным ценам (из газет).

Несомненно, прав словарь С. И. Ожегова: в таком употреблении налицо ирония. Но она – следствие, а не причина.

Она возможна именно потому, что говорящий оценивает действие, обозначаемое словом *вояж*, и эта оценка входит в лексическое значение слова.

В соответствии с этим слово *вояж* должно быть истолковано примерно следующим образом: 'путешествие, поездка с неблагоприятными (с точки зрения говорящего) целями'. Это, как видим, оценка не самого действия, а скорее субъекта действия – его намерений, целей.

2.4. Амбре (фр. *ambre* 'амбровый, издающий запах амбры' – одно из двух значений слова; второе – 'янтарного цвета'; *амбра* – благовонное вещество органического происхождения; ср. также *ambrier* 'надушить'). Это слово представляет собой несколько иной случай по сравнению с предыдущим. В XIX в., т. е. непосредственно после заимствования, *амбре*, как свидетельствуют тексты и словари, употреблялось для обозначения приятного запаха, благовония. Ср. в словаре В. И. Даля: «Амбре, нескл., ср. Сорт духов из эссенции амбры с примесью других веществ. || Простонар. Вообще благовоние». В значении 'благовоние' (а также 'сорт духов') *амбре* устарело. Но возможно его ироническое потребление – применительно к дурному запаху, зловонию: *Там такое амбре – мне чуть плохо не сделалось!*. Это отмечают и словари. Но благодаря чему возможно ироническое использование этого слова? Благодаря отрицательной оценке, которую говорящий дает объекту – запаху. *Амбре* в этом случае – 'неприятный, с точки зрения говорящего, запах'. Оценка присутствовала в слове *амбре* и в его старом употреблении, но она имела знак «плюс» (приятный запах); в новом, современном употреблении плюс поменялся на минус (неприятный запах).

2.5. Респектабельный (фр. *respectable* 'почтенный, достойный уважения'). В контекстах типа *респектабельный господин*, *респектабельный вид* это слово содержит оценку лица, относительно которого применяется эта характеристика: такое лицо должно не просто быть почтенным и вследствие этого вызывать уважение (такое понимание следует из имеющихся словарных толкований), но и отвечать определенным требованиям по своему внешнему виду, социальному положению, манере поведения и т. п. (вероятно, определение *респектабельный* неприменимо, например, к человеку, которого говорящий считает щедрым, или неряшливо одетым, или «простоватым», или излишне суетливым, с размашистыми жестами, визгливым голосом и т. п.). Вопрос: должны ли эти требования в том или ином виде отразиться в самом толковании прилагательного или же это условия его сочетаемости? Возможно и первое, и второе решение этого вопроса, однако какое бы из них мы ни выбрали, суть его должна составить оценка характеризуемого лица говорящим. И она должна быть более подробной, чем та, которая содержится в словарных толкованиях (например, у С. И. Ожегова: «почтенный, достойный, вызывающий уважение»; ср., однако, несинонимичность сочетаний *респектабельный ученый* – *почтенный ученый*, возможность выражений *достойный поступок*; *поступок, вызывающий уважение*, и неправильность сочетания **респектабельный поступок*).

2.6. Шоу. Это сравнительно недавно заимствованное слово вошло в русский язык со значительно суженным значением (ср. англ. *show* 'показ; зрелище, спектакль; выставка; витрина; внешний вид; показная пышность, парадность' и др.), при этом одно из значений английского оригинала – 'показная пышность, парадность', – по всей видимости, послужило основанием для оценочного осмысления заимствования: с первых же случаев своего употребления *шоу* имело пейоративный смысл. Ср. такие примеры:

Еще за несколько дней до начала этого телевизионного шоу министр юстиции Роберт Кеннеди поспешил объявить показания Валачи сенсационными («Правда», 1 окт. 1963);

«Фламинго» [казино] привлекает «титанами шоу-бизнеса», которые увеселяют с рассвета до рассвета... («Неделя», 1964, №6),

а также частые в современных публицистических текстах сочетания типа *рекламное шоу*, *помпезное шоу* и под. Эта пейоративность иногда интерпретируется в лингвистических описаниях как «сниженная экспрессивная окраска» (см., например [Крысин 1968: 175]). Между тем, дело здесь в оценке говорящими того, что обозначается словом *шоу*, и сниженная экспрессивная окраска – следствие этой оценки.

Шоу в контекстах, подобных тем, что приведены выше, имеет приблизительно следующее значение: 'театральное, эстрадное или телевизионное представление, с точки зрения говорящего излишне парадное, пышное, преследующее пропагандистские, коммерческие и т. п. неблагоприятные цели'²¹.

2.7. Имидж (англ. *image* 'образ; изображение; подобие'). Слово имеет определенную специфику смысла и употребления по сравнению с его английским прототипом. Ср. такие контексты:

[Ив Монтан] *подыгрывает своему имиджу такого рубахи-парня и не устает повторять, что он знает, что такое «пристойная нищета», что он «солидарен с людьми, которые трудятся»* («Литературная газета», 1984, 21 мар.);

Конечно, воздействие этих «масс-культурных» моделей, этих имиджей не дает нам исчерпывающего, полного объяснения... почему подобные типы [речь идет об одном из отри-

²¹ С течением времени, однако, это слово приобрело и вполне нейтральное значение: «яркое эстрадное представление, развлекательная программа» [СОШ 1997], а первоначальное пейоративное отмечается в словарях как переносное: «2. перен. Нечто показное, рассчитанное на шумный внешний эффект. *Политическое ш.*» [Там же]. – *Примечание 2007г.*

цательных эпизодических персонажей «Печального детектива» В. Астафьева] *плодятся с щедростью поганых грибов* («Литературная газета», 1986, 27 авг.).

Ассертивная часть толкования этого слова повторяет одно из значений английского оригинала ('образ'), но очевидно, что этим не исчерпывается значение заимствования: в приведенных контекстах ясно ощущается отрицательная оценка обозначаемого явления. Эта оценка, однако, весьма неопределенна и тонка и с трудом поддается «переводу» с уровня интуитивных ощущений на язык толкований. Рискну все же сделать такой перевод. Результат его выйдет примерно так: *Y* – *имидж X* – а ~ 'лицо X воплощает себя в образе Y, и говорящий отрицательно оценивает этот факт, считая Y фальшивым, ложным ит.п.'²²

В основе оценки, которая может составлять часть лексического значения иноязычного слова, как правило, лежит определенный взгляд на вещи, угол зрения, под которым говорящий рассматривает данное явление, понятие, тот или иной предмет. Поэтому лексические значения, содержащие такую оценку, не могут быть правильно истолкованы без учета подобного угла зрения, аспекта. Проиллюстрируем это следующим примером.

2.8. Слово *бюст* во втором из двух своих значений определяется в современных толковых словарях как 'женская грудь' (см., например, [СО, МАС, СИС 1987] и др.). Помимо того, что указанными словарями не учитывается некоторая устарелость слова (в этом значении) для современного русского языка, приведенное толкование позволяет употреблять *бюст* в высказываниях типа **Молодая мать кормила бюстом ребенка*, что явно расходится с языковой нормой. Для того чтобы исключить подобное ошибочное словоупотребление, в толкование должен быть введен компонент, отражающий угол зрения на данный объект: *бюст* – это, разумеется, женская грудь, но с точки зрения строения женского тела (не с точки зрения функции). Кроме того, назвать *бюстом* можно, скорее, большую, высокую, пышную, крепкую и т. п. грудь, и менее вероятно применение этого слова к маленькой, исхудавшей, ссохшейся и т. п. женской груди. Иными словами, оценка объекта говорящими присутствует и здесь; она составляет коннотацию слова *бюст* (лингвистически содержательные замечания о значении слова *бюст* и его сочетаемости см. в статье [Иорданская 2004]).

3. Выводы

Оценка как тип содержательной информации об иноязычном слове может фиксироваться в его семантике, составляя компонент его значения, или же при описании условий употребления слова, его прагматики. Те или иные виды эмоциональной окраски слова, контекстно-стилистические особенности его употребления являются в этом случае следствием, вытекающим из наличия в семантике и прагматике слова оценочного компонента.

²² Для сравнения приведу толкование, которое дается этому слову в более поздних словарях: «представление о чьем-н. внутреннем облике, образе. *Сложившийся и. руководителя*» [СОШ 1997]; «представление (часто целенаправленно создаваемое) о чьем-н. внутреннем и внешнем облике, образе. *И. политика. И. телевизионного ведущего*» [Крысин 2005]. – *Примечание 2007 г.*

Словообразовательная активность иноязычного слова как один из критериев его освоения языком²³

Освоение иноязычного слова новой для него языковой системой – процесс постепенный и во многих случаях длительный. Достаточно часто иноязычные элементы так и остаются не до конца освоенными «чужаками»: например, они могут отличаться особенностями произношения (ср. несмягчение согласных перед [э] в словах типа *несессер, сеттер, темп* и под.), не включаются в систему падежного склонения (*депо, какаду, кофе, радио, такси* и под.), не имеют никаких производных. Последнее обстоятельство – отсутствие производных – особенно характерно для несклоняемых существительных и неизменяемых прилагательных, хотя здесь многое зависит от степени употребительности слова.

Если иноязычное слово адаптируется грамматической системой языка: существительные приобретают падежные и числовые формы, включаются в тот или иной класс по признаку грамматического рода, прилагательные приобретают словоизменительные свойства русских прилагательных, глаголы оформляются по образцу тех или иных глагольных классов и спрягаются по существующим в русском языке моделям, – то это, как правило, расширяет возможности образования производных от таких грамматически освоенных заимствований.

В докладе рассматриваются словообразовательные возможности слов, заимствованных русским языком в конце XX – начале XXI в.

Среди этих слов преобладают имена существительные²⁴, а из них большая часть – склоняемые. Это, например, общественно-политическая лексика: *брифинг, импичмент, инаугурация, истеблишмент, популизм, саммит, спикер* и др., финансовая и экономическая терминология: *бартер, брокер, ваучер, дефолт, дилер, инвестиции, консалтинг, маркетинг, менеджер, менеджмент, монетаризм, приватизация, риелтор, спонсор, субвенция, франчайзинг* и др., технические термины: *дисплей, дигитайзер, драйвер, интерфейс, компьютер, ксерокс, модем, мониторинг, пейджер, принтер, сканер, телефакс, файл, хакер* и др., термины спорта: *армрестлинг, аэробика, бодибилдинг, боулинг, виндсёрфинг, допинг, кикбоксинг, могул, овертайм, скейтборд, сноуборд, фристайл* и др., лексика таких сфер деятельности, как средства массовой информации, мода, шоу-бизнес, музыкальное искусство, кино, художественное творчество: *бутик, гламур, имидж, имиджмейкер, клип, клипмейкер, попса, промоутер, римейк, триллер, шоумен* и др., общебытовая лексика: *гамбургер, сауна, скотч, степлер, хот-дог, шоп-тур* и др.

Несклоняемые существительные немногочисленны, однако, несмотря на их грамматическую неосвоенность русским языком, они весьма употребительны: *евро, киви, кутюрье, ноу-хау, масс-медиа, паблисити, портфолио, профи, хиппи, шоу, ток-шоу*; из менее употребительных, но всё же встречающихся на страницах прессы, в теле- и радиоэфире: *боди, роялти, прет-а-портё, уоки-токи* и нек. др. Наибольшие словообразовательные возможности – у склоняемых существительных-неологизмов с согласным в конце основы. Они легко образуют относительные прилагательные с помощью суффиксов – *н(ый)*, – *ов(ый)*, – *ск(ий)*, например: *бартер – бартерный, ваучер – ваучерный, компьютер – компьютерный; маркетинг – маркетинговый, консалтинг – консалтинговый, допинг – допинговый; брокер – брокерский, риелтор – риелторский, спонсор – спонсорский*. Существительные, содержащие в

²³ Текст доклада на Международной научно-практической конференции «Тихоновские чтения. Теория языка. Словообразование. Лексикография» (Елец, 21-23 ноября 2006 г.).

²⁴ По данным В. Д. Бояркиной, глагольные неологизмы составляют только 9 % всех новых слов, включая заимствования, – см. [Бояркина 1993: 8].

своем составе суффикс *-изм*, образуют прилагательные с суффиксом *-истск(ий)*: *монетаризм* – *монетаристский*, *популизм* – *популистский*, существительные с основой на *-иј* – прилагательные с суффиксом *-онн(ый)*: *инвестиция* – *инвестиционный*, *приватизация* – *приватизационный*, *субвенция* – *субвенционный*, *деноминация* – *деноминационный* и т. п.

Некоторые из склоняемых существительных коррелируют с глаголами, либо образованными от этих существительных в русском языке (например, *компьютер* – *компьютеризовать*, *компьютеризировать*; ср. также разговорно-профессиональный глагол *ксерить* 'копировать что-либо на ксероксе', образованный с усечением комплекса *-окс* в иноязычной именной основе), либо заимствованными параллельно с однокоренным существительным (например, *сканер* – *сканировать*).

Среди перечисленных выше склоняемых существительных-неологизмов есть и такие, которые «неохотно» образуют производные. Это касается, например, слов с финальным компонентом *-мент*: *импичмент*, *менеджмент*. Они не имеют производных (однокоренное со словом *менеджмент* – *менеджер* – заимствовано параллельно, два эти слова не находятся в отношениях «производящее – производное»), хотя образование на их основе относительных прилагательных вполне вероятно. Большая часть названий новых видов спорта с финальным комплексом *-инг* также малоактивна в словообразовательном отношении: прилагательные типа *армрестлинговый*, *боулинговый*, *виндсёрфинговый* имеют статус лексических раритетов, встречающихся в узкопрофессиональном речевом обиходе.

При реализации словообразовательных возможностей иноязычного неологизма имеет значение не только характер его морфологической структуры и его грамматическая освоённость русским языком, но и то, насколько слово употребительно. Попадая в фокус социального внимания, делаясь частотным в средствах массовой информации и в речевом обиходе, некоторые новые заимствования могут порождать производные гораздо более активно, нежели структурно сходные с ними слова, которые, однако, не столь популярны.

Например, на основе термина *приватизация*, который был широко употребительным в 90-х годах XX в., создано целое словообразовательное гнездо²⁵ производных: *деприватизация*, *реприватизация*, *приватизационный*, *приватизатор*, *приватизировать*. Похожая картина – с терминами *ваучер* (*ваучерный*, *ваучеризация*, *ваучеризировать*), *инвестиция* (*инвестиционный*, *инвестор*, *инвестировать*, *реинвестиция*, *реинвестировать*), *деноминация* (*деноминационный*, *деноминировать*) – ср. с этим слово с той же финалью, но, несомненно, более редкое – *инаугурация*, которое имеет лишь одно производное – прилагательное *инаугурационный*, но, например, не теоретически возможный глагол **инаугурировать*. Неоднократно отмечалась функциональная и словообразовательная активность недавно появившегося слова *пиар*: *пиарить*, *пиарщик*, *пиаровский* и т. п.

Фактор коммуникативной актуальности слова, его широкой употребительности может оказаться сильнее фактора его грамматической неосвоенности: некоторые несклоняемые иноязычные существительные, попадая в активное употребление (иногда – лишь в определенной социальной среде), преодолевают свою грамматическую ущербность и образуют производные. Таково, например, слово *хиппи*, от которого в жаргонно-просторечной среде образовались такие производные, как *хипповый*, *хипповать*, *хиппарь*, *хиппист*, *хиппистка*, *хип-пушка*, *хиппизм*, *хиппня*, *хипповский* (см. [Юганов, Юганова 1997: 238-239]).

Иногда высокая частотность в речи неизменяемого имени способствует тому, что оно превращается в изменяемое. Так, англицизм *попс*, первоначально имевший в русском языке статус неизменяемого прилагательного (*музыка в стиле попс*), довольно быстро перешел в разряд склоняемых существительных, получив ударную флексию *-а* и включившись в пара-

²⁵ Понятие словообразовательного гнезда было детально разработано А. Н. Тихоновым и практически применено им в «Словообразовательном словаре русского языка» (см. [Тихонов 1985]).

дигму имен существительных женского рода: *попса, попсы, попсой* и т. д. В таком статусе этот неологизм уже имеет производные, употребительность которых, правда, ограничена средой музыкантов, деятелей шоу-бизнеса: *попсовый, поповик* (представитель массового, коммерческого искусства), *поп-сятина* [Юганов, Юганова 1997: 177-178].

Своеобразное противоречие между грамматической неосвоенностью иноязычного лексического элемента и его широкой употребительностью может в значительной степени сниматься в случае, когда такой элемент приобретает свойства словообразовательной морфемы. Это можно проиллюстрировать на примере слова *шоу*. В современном русском языке употребительно не только это несклоняемое существительное, но и сложения с ним: *шоу-бизнес, шоу-группа, шоу-программа* (включающие *шоу* слова *шоумен* и *ток-шоу* целиком заимствованы из английского языка – ср. *showman, talk show*).

В других случаях новые словообразовательные морфемы формируются на основе неизменяемых иноязычных прилагательных типа *ретро* (ср.: *стиль ретро – ретростиль*) путем вычленения повторяющихся комплексов из состава заимствований, однотипных по своей морфологической структуре, а также путем появления у полнозначного слова функций словообразующей морфемы. Так в русском языке наших дней появились иноязычные морфемы *аудио–* (*аудиокассета, аудиопродукция*), *видео–* (*видеофильм, видеопрокат*; ср. употребление *видео* в субстантивном значении: *Купили новое видео*), *рок–* (*рок-музыка, рок-опера*; ср. *музыка в стиле рок; На сцене – сплошной рок*), *панк–* (*панк-культура, панк-мода, панк-музыка*; ср.: *панки и представители других молодежных групп*) и нек. др. Эти морфемы пополняют быстро растущий ряд иноязычных морфем типа *авиа–, авто–, био–, гидро–, космо–, моно–, нейро–* (в иной интерпретации это – аналитические прилагательные: см. [Панов 1971]; см. также [Крысин 2001]); – *дром, – ман, – пат, – филия, – фоб* и др. Ср. также возникающие на наших глазах, совсем «свежие» словообразовательные комплексы *-мейкер* (наряду с состоящими из иноязычных компонентов словами типа *имиджмейкер, клип-мейкер, ньюсмейкер* нами зафиксировано полушутливое *слух-мейкер* – о том, кто распускает слухи), – *гейт* (ср. *уотер-гейт* и более поздние по времени *ирангейт, кремльгейт* и под.²⁶).

Таким образом, функциональный фактор оказывается более сильным, чем фактор структурный: при необходимости обозначить нечто с помощью словообразовательных дериватов язык преодолевает структурные ограничения, обусловленные недостаточной адаптацией иноязычного элемента к языковой системе.

²⁶ Эти и подобные им словообразовательные морфемы не являются аффиксами в привычном смысле термина, поскольку они сохраняют в значительной мере смысл тех знаменательных слов, на базе которых они возникли, хотя этот смысл может быть извлечен лишь путем «перевода» с соответствующего иностранного языка (ср. *гидро* – греч. *hydor* 'вода', – *мейкер* – англ. *to make* 'делать' и т. д.). О словах со вторым компонентом *-гейт* см. [Земская 1992: 52].

Иноязычный термин в русском просторечии²⁷

1. В сознании большинства говорящих термин связан со специальными, научными или техническими, сферами использования языка. И действительно: каждая современная научная дисциплина при изучении своего объекта создает целые системы специальной терминологии, ни одна отрасль техники не в состоянии обойтись общелитературным языком, не прибегая к специальным словам, оборотам, конструкциям. Целенаправленное, последовательное «конструирование» терминосистем, характерное для большинства областей знания и практики, является наиболее концентрированным выражением стандартизирующих и кодификационных усилий общества, направленных на регулирование объективно развивающихся языковых процессов.

Вместе с тем интегративные тенденции, свойственные многим современным языкам и обусловленные социальными причинами (размыванием резких границ между слоями и группами населения, миграционными процессами, «вертикальной» и «горизонтальной» социальной мобильностью людей и т. п.), ведут к интенсивному и многообразному взаимодействию различных подсистем национального языка.

С одной стороны, расширяется круг носителей литературного языка, поскольку получение среднего и высшего образования тесно связано с приобщением к литературно-языковой норме; всё более усиливается и без того мощное влияние литературной речи на некодифицированные сферы языка – диалекты, просторечие – через каналы средств массовой информации (прессу, радио, телевидение); вследствие популяризации научных и технических знаний, а также в результате внедрения многих достижений науки и техники в быт современного человека, понятия и термины, первоначально знакомые лишь узкому кругу специалистов, становятся употребительными в обиходной речи представителей самых разных слоев и групп (ср., например, широкую употребительность в современной бытовой русской речи химических терминов типа *полимеры, полиэтилен, пенопласт, хлорвинил* и под.).

С другой стороны, диалекты и просторечие, при их угасающей социальной и коммуникативной значимости в современных условиях, продолжают питать литературный язык новыми средствами, которые используются в качестве стилистически нейтральных, стилистически окрашенных или контекстно ограниченных единиц (ср. историю «олитературирования» таких диалектных и просторечных по своему происхождению слов, как *буханка, глухомань, напарник, неполадки, показуха, проран, умелец, учеба* и под. – см. об этом в работах [РЯиСО; Калинин 1984: 29-32, 218; Крысин 1988; Львов 1964; Коготкова 1970, 1979] и др.

2. В данной статье нас будет интересовать лишь один из частных результатов многообразных процессов взаимодействия литературного языка и некодифицированных подсистем русского языка, а именно – проникновение специальных, иноязычных по своему происхождению терминов в просторечие и особенности функционирования этих терминов в среде носителей современного просторечия.

3. Просторечие – наиболее своеобразная подсистема русского национального языка. Если территориальные диалекты и, тем более, литературный язык имеют прямые аналоги в других литературных языках, то у просторечия таких прямых аналогов нет: есть более или менее близкие соответствия, которые, однако, отличаются от просторечия по своим функциональным и структурным характеристикам. Например, в отличие от таких языковых образований, как *langue populaire* во французском, так называемый *general slang* в American English, *Halbmundart* в немецком, *obecná čeština* в чешском и т. д., которые являются функ-

²⁷ Впервые опубликовано в кн.: Филологический сборник: (К 100-летию со дня рожд. акад. В. В. Виноградова). М., 1995. С. 262-268.

ционально-стилистическими разновидностями соответствующих языков и, следовательно, могут использоваться всеми носителями этих языков, в том числе (при определенных речевых условиях) и литературно говорящими, – просторечие имеет своих носителей. Иначе говоря, это социально обусловленная подсистема национального языка.

Просторечие – это речь малообразованного городского населения, не владеющего нормами литературного языка (определения этой подсистемы русского языка см. в работах [Баранникова 1974, 1977: 60; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 23; Городское просторечие 1984: 5]. Просторечие реализуется главным образом в устной форме и в достаточно ограниченных, преимущественно бытовых ситуациях. Важным свойством носителя просторечия является его «монологссия» (в отличие от диглоссии носителей литературного языка), то есть неспособность к кодовым переключениям в зависимости от ситуации общения.

В собственно языковом отношении просторечие характеризуется значительной пестротой коммуникативных средств и способов их использования, что вполне объяснимо: в этой подсистеме русского языка сосуществуют элементы, пришедшие из территориальных говоров, профессиональных и групповых жаргонов, заимствования из литературного языка (нет лишь заимствований из других языков: иноязычное заимствование как процесс просторечию «противопоказано»).

«Перемалываясь» в просторечии, разнородные по своим источникам элементы трансформируются: меняется их фонетическая и морфологическая структура, значение, их сочетаемость с другими элементами в речевой цепи. Вид и характер этих изменений нередко специфичны. В особенности это касается просторечной переработки «культурного» языкового материала, то есть слов, оборотов, синтаксических конструкций, идущих из речевого обихода носителей литературного языка.

4. Влияние литературного языка на просторечие проявляется в нескольких формах. Основные из них – это, во-первых, ситуативно обусловленное использование носителями просторечия литературных средств и, во-вторых, заимствование и регулярное использование слов и оборотов литературного языка.

При общении с литературно говорящими лицами, вообще при взаимодействии со средой, которую носитель просторечия оценивает как культурную, он нередко сознательно употребляет в своей речи лексические элементы, свойственные литературному языку. При этом, однако, поскольку носитель просторечия не владеет литературной нормой, эти элементы, как правило, претерпевают фонетико-морфологические и акцентные трансформации или же выступают в не свойственном им лексическом и стилистическом окружении.

Примеры таких трансформаций достаточно хорошо известны. Одним из первых лингвистически интерпретировал это явление В.В. Виноградов в работе, посвященной языку М. Зощенко. Приводя многочисленные примеры «переделок» книжного слова в устах зощенковских персонажей, он писал: «... клише книжной речи ломаются в своей семантике, попадая в не свойственный им контекст. Чаще всего происходит разрушение тех семантических соотношений, которые существуют в системе литературной книжной лексики и фразеологии, – путем их внелитературных сцеплений или путем морфологического преобразования» [Виноградов 1928: 66]; ср.:

*Будто вдруг на меня **атмосферой** пахнуло; Подхожу **демонстративно** к мельнику. – Так и так, говорю, теперь, говорю, вам, старичок, **каюк-компания**; В театре она и **развернула** свою **идеологию** в полном объеме; А хозяин держится **индифферентно** – ваньку валяет; А в кухне ихняя собачонка, **системы пудель**, набрасывается на потребителей и рвет ноги* (из «Рассказов Назара Ильича господина Синебрюхова»).

Ср. также наблюдения над современным просторечным использованием книжной, преимущественно иноязычной, лексики:

*Товарищ Иванов с апогеем рассказывал; Он говорил с экспромтом; Что нужно сделать, чтобы был **правильный дефект речи**?* (примеры из книги Т. Г. Винокур [1980: 95]);

*Сказали: надо обращаться **по дистанции** (вместо – по инстанции); Врач **константировал** ей лечиться в санатории (вместо 'советовал'); Они **цельный день по матафону** музыки гоняют* (имеется в виду магнитофон) и т. п.

5. Процессы переименования, переделки литературных слов в особенности характерны для таких единиц литературного словаря, которые осознаются носителями просторечия как социально престижные, как символы культуры более высокой, чем их собственная. Иноязычные термины – наиболее яркий и типичный пример подобных символов.

Различные виды искажений в просторечии достаточно подробно описаны в работе А. Ф. Журавлева [1984]. Это, например, упрощение фонетической структуры слова (устранение зияний: *шпиён, радио*; ассимиляция и диссимиляция гласных и согласных: *мармалад, карасин, анжанер, скапидар, левольвер, секлетарь, транвай*; метатеза: *тубаретка, соше* (вместо *шоссе*); сокращение числа слогов в слове: *струмент, вакуироваться, ниверситет*); изменение его морфологических характеристик (отнесение слов мужского рода к женскому: *крыть крышу толью, занавески из тюли*, женского – к мужскому: *статуй* вместо *статуя* – или к среднему: *моё фамилие*; склонение несклоняемых существительных: *в пальте, без радива*), редукция лексического значения (например, тенденция к моносемичному употреблению таких слов, как *мотив, анализ, дисциплина, конституция* и под.) или употребление слова в специфическом, нелитературном значении (*куплет* – 'стихотворная строка', *квадратный* – 'прямоугольный', *инициалы* – 'имя и отчество') и т. п.

А. Ф. Журавлев не выделяет термины из всего корпуса иноязычной лексики. Между тем особый интерес представляет освоение просторечием именно специальной терминологии, поскольку в этом случае языковая единица из высокоорганизованной сферы литературного языка, где нормализация и кодификация являются определяющими факторами функционирования коммуникативных средств, переносится в сферу, которая вообще лишена какого-либо нормализующего и кодифицирующего начала. Кроме того, термин в общем случае, как известно, отличается строго определенным содержанием, однозначной соотносительностью с понятием; в просторечии же весьма распространено явление диффузности, неопределенности значений многих слов, в особенности слов оценочных; ср., например, неоднократно отмечавшуюся размытость значений таких глаголов, как *шпарить, жарить, наяривать* ипод.: *Дождь так и шпарит (жарит, наяривает); Смотри, как он «Барыню» шпарит (жарит, наяривает); Он на гитаре с утра до вечера шпарит (жарит, наяривает); У них дочка по-английски с пяти лет шпарит (жарит, наяривает)* и т. п., а также приводимые А. Ф. Журавлевым примеры неопределенного осмысления слов типа *атом, космос* (*Тоже без конца эти с атомом носятся; Вот погода-то! Это все космос* [Журавлев 1984: 120] и т. п.).

Кажется, что эти обстоятельства должны сказываться в характере просторечных трансформаций специального термина.

6. Наблюдения над использованием научных и технических терминов в современном просторечии показывают, что процессы переделки, касающиеся фонетической, морфологической и семантической структуры слова, сходны с теми, которые характеризуют освоение просторечием иноязычной лексики вообще. Вместе с тем наблюдаются и такие изменения, которые характерны для просторечной обработки именно специального термина. Речь идет прежде всего об изменениях в семантике слова.

Одно из таких изменений, наиболее специфичное и яркое, можно кратко охарактеризовать как персонификацию свойства. Суть его заключается в следующем.

Присущие человеку свойства, особенности его отношений с другими людьми и с окружающим миром, а также совершаемые им действия, процессы, в которых он участвует в

качестве субъекта или объекта, и т. п. могут персонифицироваться: названия этих свойств, действий, процессов выступают как метонимические номинации данного лица.

Необходимо оговориться: метонимические переносы названия действия на его объект, инструмент или результат характерны и для других подсистем, в частности для литературного языка; ср.: *исследование колебаний* (действие) – *интересное исследование* (результат), *передача движения* (действие) – *велосипедная передача* (инструмент), *верстка текста* (действие) – *читать верстку* (объект), *реанимация больного* (действие) – *Больного отвезли в реанимацию* (помещение, где осуществляется это действие), *анализ мочи* (действие) – *У него плохие анализы* (результат действия) и т. д. (см. об этом [Апресян 1974, гл. 3]). Однако в тех случаях, когда надо обозначить лицо как носителя определенного свойства, литературный язык, даже в разговорной своей разновидности, прибегает к аффиксальным способам (от слова, обозначающего свойство, с помощью того или иного аффикса образуется существительное со значением лица) или к заимствованию иноязычного элемента. Ср., например, именование лиц по чертам характера и склонностям (*весельчак, склочник, педант, интриган*), социальным, профессиональным, интеллектуальным и т. п. качествам (*властитель, умелец, мастер, виртуоз*), по принадлежности к определенному кругу лиц, обладающих теми или иными дифференциальными чертами (*валютчик, лимитчик, меломан, бизнесмен*), по различным отклонениям в поведении (*чудак, зануда, психопат*), по виду болезни, которой страдает данное лицо (*ревматик, язвенник, диабетик* или *диабетчик*), и т. п.

Просторечие также использует аффиксацию как способ образования имен лица по определенному свойству, присущему этому лицу (в особенности если в результате создается оценочное наименование: ср. слова типа *чудик, придурак, очкарик* и под.). Но наряду с этим оно активно пользуется прямым метонимическим переносом: название какого-либо из перечисленных выше аспектов человека и его свойств может становиться названием самого человека. При этом, как правило, такой перенос происходит в случаях, когда внутренняя форма наименования «непрозрачна» и поэтому непонятна носителю просторечия; наиболее характерны в этом отношении как раз иноязычные термины.

Например, в тех ситуациях, когда в разговорной разновидности литературного языка используется слово *лимитчик* ('лицо, приехавшее на работу в Москву из других районов страны и имеющее право на получение жилплощади из резерва, оставляемого для представителей дефицитных профессий'), просторечие наделяет личным значением само слово *лимит*: *В соседней квартире лимит живет; У лимитов еще один ребенок родился*. Ср. также *лимита*, употребляемое в современном просторечии с пейоративной окраской применительно и к совокупности лимитчиков, и к одному такому лицу: *Понаехала тут всякая лимита!; Эх ты, лимита несчастная!*

Термин *диабет* используется, помимо своего основного значения, и для называния лица, страдающего сахарной болезнью: *Это всё диабеты без очереди идут* (реплика у дверей процедурного кабинета).

Рентген в просторечии значит не только 'рентгеновский аппарат' (Мне *грудь рентгеном просвечивали*) и 'рентгеноскопия' (А тебе *рентген* уже делали?), но и 'врач-рентгенолог': *Она рентгеном работает; Дочка, это кто – не рентген по коридору-то сейчас прошел?*²⁸

Термин *автоген* употребляется в просторечии не только в значении 'газовая сварка и резка металла' (Там применяют *автоген*) и 'аппарат для газовой резки и сварки металла' (*резать стальной лист автогеном*), в которых этот термин используется и в литературном

²⁸ Ср. любопытный случай просторечного стяжения целого словосочетания *врач – специалист по болезням уха, горла и носа* в слово *ухогорлонос*, имеющее личное значение (*Сегодня ухогорлонос принимает?*); в профессиональном жаргоне медиков в этом значении употребляется усечение *лор* (*Лор у нас на полставке работает*), образовавшееся путем «стяжения» неудобопроизносимого термина *отоларинголог* (обращает на себя внимание фонемная модификация, произошедшая при стяжении: /а/, находящаяся в слабой, неударной позиции в слове *отоларинголог*, прояснилась в /о/ в слове *лор*).

языке, но и в значении 'лицо, профессионально занимающееся газовой сваркой и резкой; автогенщик': *У ей сын автогеном на заводе [работает]*. Ср. подобное употребление в просторечии и слов *автокар, бульдозер* инек. др.: *Он в цеху автокаром работает* (вместо: *автокарищиком*); *У них бульдозеры знаешь сколь получают!* (в значении 'бульдозеристы') и т. п.

Показательно, что термины, «прозрачные» по своей морфологической структуре, в частности содержащие суффиксы неличного значения, не могут претерпевать в просторечии подобные семантические трансформации (так, носитель просторечия не скажет: *Он электросваркой работает* – в смысле 'он электросварщик').

Метонимическому переносу в просторечии могут подвергаться термины, в литературном употреблении обозначающие только множества или совокупности и не имеющие значения 'один элемент множества, совокупности'. Ср.: *Она вышла замуж за контингента* (в речи медсестры) – фраза, понятная лишь при описании соответствующей ситуации: совокупность пациентов, обслуживаемых спецполиклиникой, на «административно-медицинском» языке называется *контингентом*, ср.: *Этот больной принадлежит к контингенту лиц, обслуживаемых нашей поликлиникой*. Естественно, что, приобретя значение 'один из множества лиц', слово *контингент* попало в разряд одушевленных существительных (*вышла замуж за контингента*). Ср. в речи зощенковского персонажа: *А это кто, не президиум на трибуну вышедши?*

7. Приведенные примеры свидетельствуют о чрезвычайно свободном обращении носителей просторечия с иноязычной терминологической лексикой. Однако эта свобода – не следствие владения соответствующими понятиями, а, напротив, результат незнания их или весьма приблизительного представления об их содержании. Анормативный характер просторечия как определенной подсистемы русского национального языка делает возможным активизацию в нем таких видов метонимии, которые не встречаются в литературном языке (при переносном или расширительном употреблении специального термина).

Как уже было отмечено вначале, в наши дни социальная и коммуникативная роль просторечия сходит на нет. Поэтому возникает вопрос: заслуживают ли внимания исследователей явления, подобные тем, которых мы коснулись в этой статье? Отвечая на этот вопрос, надо иметь в виду, что при всей коммуникативной ущербности просторечие продолжает выступать как источник, питающий литературный язык новыми средствами выражения. Кроме того, некоторые модели, действующие в просторечной семантике, словообразовании, синтаксисе, со временем могут проникать в разговорную речь носителей литературного языка, активизируя системные языковые потенции и преодолевая сопротивление традиции и нормы. Оценке этих моделей с нормативно-литературной точки зрения (то есть: хороши они или плохи, «пускать» их в литературный оборот или не пускать и т. д.), как кажется, должно предшествовать их объективное изучение, учитывающее как общие тенденции развития русского языка и его подсистем, так и специфику взаимодействия кодифицированных и некодифицированных языковых образований в современных условиях.

Словари как компонент национальной культуры²⁹

Широко известно высказывание знаменитого французского писателя, блестящего стилиста Анатоля Франса: «Словарь – это вся Вселенная в алфавитном порядке». Это высказывание следует отнести скорее к энциклопедическим, чем к словарям в обычном смысле этого слова – толковым, орфографическим и другим. Ведь «Вселенную», то есть мир *вещей*, описывают именно энциклопедии, а в словарях лингвистических содержатся сведения о *словах* – о том, что они значат, как склоняются или спрягаются, как пишутся и произносятся, как сочетаются друг с другом в предложении, и т.д.

Большинству людей, далеких от филологии, это существенное различие между энциклопедией и словарем или неведомо, или кажется несущественным. Чаще всего именно энциклопедический справочник служит авторитетом, на который ссылаются во всех случаях жизни, идет ли речь, скажем, об устройстве какого-нибудь механизма или об особенностях звучания и употребления названия этого механизма. Если же и обращаются к словарям лингвистическим, то в лучшем случае подобным авторитетом служит словарь Владимира Ивановича Даля, который для многих остался единственным судьей в вопросах, касающихся русского языка.

Никто не станет спорить о несомненных достоинствах этого поистине великого филологического труда. Но он был составлен полтора столетия назад и с тех пор лишь переиздавался (правда, в третьем издании, которое вышло в начале XX в. под редакцией выдающегося лингвиста И. А. Бодуэна де Куртенэ, – со значительными добавлениями³⁰). Неужто и язык наших дней мы должны оценивать критериями, которых придерживался великий собиратель русского слова?

За полтора столетия в отечественной лексикографии появилась масса словарей – толковых, орфографических, словарей правильного произношения и ударения, исторических, этимологических, словарей языка писателей и др. Достаточно назвать наиболее известные: четырехтомный «Ушаковский» (изданный в 30-х гг. XX в. под редакцией Д. Н. Ушакова) «Толковый словарь русского языка» в 4-х томах, Большой (в 17-ти томах) и Малый (в 4-х томах) академические, однотомный словарь С. И. Ожегова и созданный на его основе также однотомный «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, многократно переиздававшиеся орфографический и орфоэпический словари, самый полный по числу зафиксированных слов современного русского языка «Русский орфографический словарь» под ред. В. В. Лопатина (1999 и 2005 годы издания), «Историко-этимологический словарь» П. Я. Черных, «Словарь языка Пушкина» и мн. др. Только за последние два-три года изданы десятки словарей разного типа, среди которых «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (СПб., 1998), «Толковый словарь русского языка конца XX в.» под ред. Г. Н. Складчиковой (СПб., 1998), регулярно переиздающийся «Толковый словарь иноязычных слов» Л. П. Крысина, «Новый объяснительный синонимический словарь» под ред. академика Ю. Д. Апресяна (М., 2004), «Орфоэпический словарь русского языка» (то есть словарь правильного произношения) под редакцией члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова – он выдержал несколько изданий и продолжает обновляться и переиздаваться), несколько словарей трудностей и «неправильностей» русского языка.

С горечью надо признать, что большая часть этого несметного словарного богатства не освоена и не осваивается не только «народными массами», но и интеллигенцией. Вино-

²⁹ Впервые опубликовано в газете «Русский язык» (1998, № 3).

³⁰ В конце декабря 1910 года К. Чуковский посвятил этому изданию словаря В. И. Даля блестящую статью-рецензию – см. [Чуковский 2001: 182-191].

ваты в этом и сами лингвисты, плохо пропагандирующие свою науку, и система образования и семейного воспитания. В школе лишь немногие учителя знают, как и зачем следует прибегать к помощи того или иного словаря, и делают это практически на уроках (да и не предусмотрено это действующей школьной программой). В большинстве семей есть в лучшем случае какой-нибудь двуязычный словарь, а орфографический, и тем более толковый, не говоря обо всех прочих, – уже редкость.

Между тем, ясно, что *культура обращения со словарем* должна закладываться и формироваться в детстве. Тогда и отношение к языку, и его использование в повседневной речевой практике не будут столь варварскими, как сейчас, когда даже в публичной речи коверкаются слова. Помимо набивших оскомину «нАчать», «углУбить», «привЕденный», «средствА» и под., можно даже по радио и с телеэкрана услышать рассказы о «ледяных *торсах*» (вместо: *торосах*) или «недюжих усилиях» (вместо: *недюжинных*) и прочитать в весьма уважаемой газете сетования на то, что произошла *оберация* (! – имелась в виду, конечно, *аберрация*, то есть ошибка, невольное отклонение от истины).

Если бы у журналиста, комментатора, телеведущего – а ведь они основные проводники литературной нормы в средствах массовой информации – была привитая еще в детстве привычка заглядывать в словарь, прежде чем делать сомнительные или неверные с точки зрения языковой правильности высказывания, то телезрители не узнали бы, что «*Сретенье* в переводе с древнегреческого (!) значит встреча» (на самом деле слово это исконно славянское, и корень в нем тот же, что и в слове *встреча*), что «*бОльшая* половина дела уже сделана», что «на этом снимке *искусственно* запечатлен фрагмент боя» ит.п.

Разумеется, правительственным декретом любить словарь не заставишь. Нужна планомерная, кропотливая и систематическая работа (создание культуры, в том числе и культуры обращения с языком, как известно, вообще дело длительное, в отличие от ее разрушения). Можно говорить о нескольких направлениях, в которых эта работа может вестись.

Первое. Создание словарей разных типов и жанров, адресованных разным категориям пользователей – от журналистов и редакторов, использующих язык профессионально, до младших школьников. Естественно, «монополия» на словарную работу принадлежит лингвистам-лексикографам. Как и во всяком деле, словари должны составлять специалисты, а не дилетанты. Между тем, современный книжный рынок России наводнен сомнительной словарной продукцией, многочисленными пиратскими изданиями, к созданию и выпуску которых причастны люди, весьма далекие от филологии. Только один из многих примеров – мифический «Орфографический словарь русского языка» С. И. Ожегова, которым вот уже несколько лет завалены прилавки книжных магазинов и киосков. Хорошо известно, что знаменитый автор однотомного *толкового* словаря Сергей Иванович Ожегов, участвовавший в создании «Толкового словаря» под ред. Д. Н. Ушакова и скончавшийся в 1964 году, *орфографических* словарей никогда не составлял.

Второе. Издание таких словарей. Тиражи должны быть достаточными, а цена – доступной. Изданием словарей должны заниматься, разумеется, профессионалы. Немаловажен вопрос и о распространении уже изданных словарей: не секрет, что в наше время то, что публикуется в Москве или Петербурге, часто не доходит до других регионов России.

Третье. Пропаганда словарей в средствах массовой информации. Это дело лингвистов, работников издательств, теле-и радиожурналистов. В такой пропаганде нужна содержательная информация – о типе словаря, о том, на какого рода вопросы в нём можно получить ответ, – и недопустим тон коммерческой рекламы, не считающейся с реальными достоинствами и недостатками конкретного словаря.

Четвертое. Работу со словарями хорошо бы предусмотреть школьной программой по русскому языку. В учебники русского языка для средней школы надо ввести разделы, в которых рассказывалось бы как о разновидностях словарей и их предназначении, так и о том,

как следует с ними обращаться, какие сведения о слове в каком словаре искать и т. д. Здесь уместна не только «лобовая» дидактика, но и разнообразные игровые формы, поскольку словарь – благодатная почва для словесных игр, для занимательных опытов и упражнений со словом.

Проблемы представления новых иноязычных заимствований в нормативных словарях³¹

Интенсификация процесса заимствования в русском языке конца XX – начала XXI в. давно находится в поле внимания русистов. Высказываются различные мнения относительно количества и качества заимствуемых слов, особенностей их освоения, их уместности в речи, их взаимоотношений с исконной и ранее заимствованной лексикой, относительно оценки говорящими новых иноязычных слов и т. д. (см., например: [Тимофеева 1992, Костомаров 1993, Брейтер 1997, Крысин 1996, 2002] и мн. др.). Меньшее освещение получают вопросы, связанные с фиксацией иноязычных неологизмов в словарях.

Одними из первых (среди разного типа нормативных словарей) новую лексику фиксируют словари орфографические (см., напр., «Русский орфографический словарь» под редакцией В. В. Лопатина, М., 2005). И это понятно: нередко свежее заимствование имеет неустоявшееся правописание, допускает орфографические варианты (примеры общеизвестны: *дистрибьютер* – *дистрибьютор* – *дистрибутер* – *дистрибутор*, *ремейк* – *римейк*, *риэлтор* – *риелтор* – *риэлтер* – *риелтер*, *сэконд-хэнд* – *секонд-хенд*, *мини-маркет* – *минимаркет*, *масс-медиа* – *массмедиа* и т. п.; см. об этом более подробно [Нечаева 2004, 2005]), и речевая практика настоятельно требует, чтобы лингвисты нормализовали прежде всего орфографический облик слова.

Некоторое число иноязычных неологизмов попадает в словари орфоэпические – по сходным причинам: носителю языка следует сообщить, как надо произносить то или иное новое, но при этом достаточно употребительное заимствование (ср., например, вариативность произношения согласного перед [э] в словах типа *андеграунд*, *бассет*, *броузер*, *дезодорант*, *дианетика*, *лейбл*, *рейтинг*, *ретро*, *сервер*, *степлер*, *терминал* и др.). Надо сказать, однако, что в основном и наиболее авторитетном словаре-справочнике по произношению – «Орфоэпическом словаре русского языка», который регулярно переиздается, отсутствуют многие иноязычные заимствования, содержащие звукосочетания, нуждающиеся в кодификации. В частности, здесь нет многих слов с начальными *де-*, *дез-*, *ре-*, которые в одних словах произносятся с мягким согласным (*ревью*, *ремейк*), в других – с твердым (*деидеологизация*, *декомпрессия*, *делимитация*), а в третьих допускается и то, и другое.

Но не меньше трудностей у говорящих вызывают и значения иноязычных неологизмов, условия их употребления, сочетаемость с другими словами в составе предложения и т. п., и здесь помощь носителям языка призваны оказывать словари толковые. Вполне естественно, что среди разного рода толковых словарей наиболее оперативны в регистрации новых заимствований словари иностранных слов. Поскольку, однако, такой словарь призван сообщать пользователю информацию не только о написании слова, но и о его значении, происхождении, давать рекомендации, касающиеся его правильного произношения, приводить примеры употребления слова в речи, ссылаться на близкие по значению лексемы и т. п., лексикографическая обработка слова в словаре иностранных слов – дело гораздо более трудоемкое, чем в орфографическом словаре. Составитель словаря иностранных слов сталкивается с рядом проблем, сопровождающих лексикографическую обработку иноязычного слова. Некоторым из них и посвящен данный раздел книги³².

³¹ Расширенный вариант статьи «Новые иноязычные заимствования в нормативных словарях», опубликованной в журнале «Русский язык в школе», 2005, № 6.

³² При изложении этих проблем я опираюсь на собственный опыт составления «Толкового словаря иноязычных слов» ([Крысин 1998; 2005]).

Типовая словарная статья в современных толковых словарях содержит несколько видов информации о слове, составляющих своего рода зоны, в каждой из которых пользователь словаря находит сведения только одного вида: таковы, например, зоны толкования, грамматических форм, грамматических характеристик, произносительных рекомендаций, стилистических помет, лексической сочетаемости слова, текстовых иллюстраций его употребления и т. д. Зонный принцип организации словарной статьи позволяет представить сведения о слове в систематическом и при этом структурированном виде, благодаря чему не только легче усвоить эти сведения, но и увидеть сходства и различия слов в семантике, грамматических характеристиках, в сочетаемости с другими словами и иных свойствах³³.

До сравнительно недавнего времени словари иностранных слов выпадали из общего процесса развития современной лексикографии, для которого характерно, с одной стороны, четкое разграничение филологических и энциклопедических словарей, а с другой, тенденция к объединению в одном лексикографическом издании информации как о лингвистических свойствах слова, так и о называемой им реалии. Словари иностранных слов по существу являлись фрагментами энциклопедий: в них сообщались сведения о предметах, понятиях, процессах, свойствах, а лингвистическая информация ограничивалась фиксацией правильного орфографического облика слова, места ударения в нем и справкой о его происхождении. «Толковый словарь иноязычных слов», вышедший в 1998 году, явился первым словарем филологического типа³⁴, в котором на первом плане находится информация о свойствах слова, а сведения энциклопедического характера играют подчиненную роль (подробнее об этом можно прочесть во вступительной статье к этому словарю).

1. Первая проблема, с которой имел дело составитель упомянутого словаря, – проблема словника. Естественно, она возникает при создании любого лексикографического труда, но у авторов словарей иностранных слов эта проблема имеет некую специфику – необходимо решать вопрос о включении в словарь новой, недавно заимствованной лексики, а это связано с определением ее нормативного статуса: вошло ли данное слово в широкое употребление, или же появление его в речи случайно? известно ли оно всем или, по крайней мере, многим носителям языка, или же мы имеем дело с заимствованием, которое обращается в узком кругу говорящих, ограниченном профессионально, социально или как-либо иначе (а если это так, то надо ли фиксировать в словарях общего типа профессиональные термины, жаргонные слова и т. п.)? каковы шансы данного слова остаться в языке, вступив в семантические, узуальные и стилистические отношения с уже существующими словами и послужив основой для образования производных? и т. д.

Отвечая на эти вопросы, составитель словаря вырабатывает некие критерии, позволяющие решить, какие слова-неологизмы заслуживают быть включенными в словарь, а какие могут быть (хотя бы на некоторое время) оставлены за его пределами. Эти критерии различны по своей природе; можно выделить по крайней мере три их типа: собственно языковые, коммуникативные и социально-психологические.

1.1. К собственно языковым критериям относятся, например, такие:

³³ Сам термин «зона» применительно к словарю и составляющим его словарным статьям и зонный принцип организации лексикографических сведений о слове подробно обсуждаются в работах Ю. Д. Апресяна; в данной статье мы следуем именно этим представлениям о способах и средствах лексикографической обработки слова в словарях толкового типа.

³⁴ Одними из первых в отечественной лексикографической практике принципиальное отличие филологических словарей от энциклопедических декларировали составители «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. В предисловии к этому словарю Д. Н. Ушаков писал: «...словарь языка ... не должен давать и не дает ни анализа, ни даже полного описания предметов и явлений; он «толкует» значение слова или различные его значения, если их несколько, и указывает случаи употребления слов, снабжая свои объяснения там, где нужно, примерами, в значительной степени взятыми из литературы. Новый «Толковый словарь» есть словарь филологический, и к нему нельзя предъявлять тех требований, которым должны удовлетворять энциклопедические словари».

– необходимость разграничить содержательно близкие, но всё же различающиеся понятия; ср., например, ряды слов типа *дорога* – *шоссе* – *автострада* – *автобан* – *хайвей*; *переделка* – *римейк*; *исключительный* – *эксклюзивный* и под.; это часто бывает связано с тенденцией к специализации понятий – в той или иной сфере, для тех или иных целей; ср., например, пары типа *предупредительный* – *превентивный*, *убийца* – *киллер*, *представление* – *презентация* и под., эвфемистические, вуалирующие замены – например, в области анатомии, физиологии, медицины (*педикулез* вместо *вшивость*, *канцер* вместо *рак*, *анус* вместо *задний проход* и т. п.);

– тенденция к соответствию нерасчлененности, цельности обозначаемого понятия – нерасчлененности обозначаемого: если объект наименования представляет собой одно целое (или, по крайней мере, он как целое мыслится носителями языка), то говорящие стремятся обозначить его одним словом, а не словосочетанием, или же заменить описательное наименование однословным; так появились в русском языке слова типа *компьютер* (заменившее прежнее *электронно-вычислительная машина*), *электорат* (по-русски: *совокупность избирателей*), *хайджекер* (по-русски: *угонщик самолетов*), *овертайм* (по-русски: *дополнительное время*) и мн. др.;

– наличие в заимствующем языке сложившихся систем терминов, обслуживающих ту или иную тематическую область, профессиональную среду ит.п. и более или менее единых по источнику заимствования этих терминов: если такие системы есть, то вхождение в язык и укрепление в узусе новых заимствований, относящихся к той же сфере и взятых из того же источника, облегчается; наглядный пример – система обозначений, обращающаяся в вычислительной технике: эта сфера обрastaет всё новыми иноязычными (английскими по происхождению) номинациями, в том числе и мало оправданными с точки зрения коммуникативных потребностей – ср., например, замену слова *пользователь* термином *юзер* (англ. *user*) в профессиональном языке программистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.